

ТАТЬЯНА МОСКВИНА

ОБЩАЯ
ТЕТРАДЬ

← См. на обороте

[...Бессмысленная радость бытия...]

Татьяна Владимировна Москвина

Общая тетрадь

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183694

Общая тетрадь: АСТ, Астрель; М.; 2009

ISBN 978-5-17-059782-6, 978-5-271-24086-7

Аннотация

Татьяна Москвина – оригинальный прозаик, известный сценарист и «гроза современной арт-критики». Непримируемый публицист, она всегда пишет, как думает. Независимо и остроумно. В «Общую тетрадь» вошли эссе последних лет о кино, театре, городе на Неве и его жителях и пьеса «Па-де-де».

Содержание

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!	4
Истинные речи Тани Правдючки	4
Бешенство жира	27
ТВ своего счастья	33
Веселые огонечки, маленькие радости	40
Досуг для Бабосюк	45
Кодекс жлобства	50
Остров лысых	56
Нет денег – нет родины	61
Проект «Анафема»	66
Как Новая Россия снесла Новую Голландию	71
Американская шпана уделывает мир	81
Свинство по-французски	86
В русских проснулся дух воинственности	90
Кто съел зебру?	94
Газподин, помилуй!	99
Утерев слезу	104
ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО УМА	109
Отечественные заметки	109
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Татьяна Москвина

Общая тетрадь

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!

Истинные речи Тани Правдючки

Избранное

Не так давно я участвовала в юмористическо-публицистической программе канала СТО (Петербург) под названием «Итожа». Каждое воскресенье появлялась в оранжевой рабочей жилетке, с пиратской повязкой на лбу, скрывающей один глаз, и говорила энергичный убойный текст. Звали моего персонажа Таня Правдючка. Свои выступления я начинала с заявления:

Я Таня Правдючка, и я всегда говорю правду, когда кругом ложь!

Птичий грипп, понимаете ли

Самое удивительное, что курица оказалась птицей. Оказавшись птицей, курица жестоко отомстила людям, бук-

важно как вырвавшийся из эксплуатации пролетариат отомстил буржуазии, а освобожденная женщина самцам человека. Умереть от птичьего гриппа нелегко. Для этого надо отыскать домашнюю птицу, вступившую в неуставные отношения с перелетной, и долго мацать ее голыми руками в сыром виде. Уже нескольким людям это удалось, поскольку людям вообще удастся невероятное. Но реальные жертвы птичьего гриппа несравнимы с фантастическим ужасом, который посеяла курица в массовой информации. Совпало множество символов, которые сидят в нашем сознании и подсознании, о чем нас давно, полсотни лет назад, предупреждал великий Альфред Хичкок в триллере «Птицы»: когда разгневанная природа изберет для мщения птичий облик, мало не покажется. Ряд, который начался с коровьего бешенства (куда, интересно, оно делось?), продолжился птичьим гриппом, и любопытно, что станет следующим звеном в цепи фантомных продуктов-убийц. Свиная чумка? Помидорный туберкулез? Картофельный рак? Ясно только, что это будет серьезный, основной продукт, поскольку только за серьезными продуктами стоят серьезные деньги. Я лично ставлю на свинок. Очень уж свинные короли сейчас поднялись на птичьем гриппе. Как говорят в одной пьесе Островского, больно высоко летаете, пора вам крылья-то ошибить! И в общем, наши отечественные средства массовой информации, которые много лет внушают нам мысль о том, что есть вредно, совершенно правы. Как только будет открыт альтернативный

способ существования, мы, россияне, будем, как всегда, в авангарде. Мы всё, как всегда, опробуем на себе! Но вот что тревожит. Известная поговорка о том, что «курица не птица, Болгария не заграница, женщина не человек», уже опровергнута в двух составных частях: выяснилось, что курица – реально птица, Болгария – заграница. Страшно вымолвить, но, судя по всему, дело к тому идет, женщина тоже окажется человеком. Вот тогда и наступит наконец реальный конец света. После долгих и занудных репетиций...

Учиться! Учиться!

Поздравляю всех желающих с новым учебным годом. Почти во всех кафе и магазинах ценники и меню написаны с орфографическими ошибками, попадают уже и безграмотные вывески – учиться! Учиться! Нельзя сокращать число людей, которые эти ошибки пока еще замечают. Учиться! Отмучился сам – веди своего детеныша. Жышы пишется с буквой «и». Сера, сера, буква эс, тридцать два – атомный вес, сера в воздухе горит, дает серный ангидрид. А плюс б в квадрате равняется а квадрат плюс два аб плюс б квадрат. Тридцать лет прошло – помню. Умирать буду – не забуду. Учиться! Это в других странах, где есть связь между образованием и уровнем жизни, учатся, чтобы получить хорошую должность, высокую зарплату. А мы, правнуки Ленина, учимся, потому что... да кто ж его знает, почему. Технология подготовки лишних людей в России сбоев не дает. Не хватает учи-

телей? Что ж, в русские школы возвращаются учителя-пенсионеры, а это не люди – это львы и орлы. Не отвертись-ся, молодежь! Выучишь как миленькая и письмо Татьяны к Онегину, и дату заключения Кюйчук-Кайнаджирского мира. Бог ученья – грозный бог, и страшен его престол, и неумолимы его служители. Жалобы на бедность учителей мы находим еще в пьесах Островского и Чехова. Об этом же велась речь и при советской власти – в эпоху застоя. О фантастически низкой учительской зарплате говорят и сейчас. Видимо, разговоры о бедности учителей – это такая примета мирной и стабильной жизни в России. Но вечное царство ученья как стояло, так и стоит: переступите порог любой школы, и вы сразу поймете – это царство не от мира сего, тут всё особенное: атмосфера, люди, даже запах. Здесь жизнь состоит не из сладких ощущений, а из уроков и экзаменов, ученье – это мученье, так оно рифмуется в русском языке. И это очень хорошо. Ведь каков смысл жизни у большинства россиян? Истребление природных богатств Российской Федерации с целью личного процветания. А что такое личное процветание? Это поток разнообразных удовольствий. Так вот, по крайней мере десять лет возможный пожиратель страны и убийца природы проведет без сладких ощущений, в вечном царстве вечного мучения, под сенью ужасного квадрата гипотенузы! Поверьте, даже олигархам снятся сны, что они пришли в школу без штанов и сменных тапочек и должны сдавать алгебру. Так будь благословенно ты, святое мученье!

Да здравствует и процветает наша школа – единственное место, где, слава богу Учению, нет и не может быть никаких удовольствий!

Вся правда о конце света

Где-то на земле живут загадочные полулюди-полуптицы по имени «ученые», и цель их бытия – чтоб обывателю жизнь медом не казалась. Это «ученые» отняли у нас трех китов, на которых держалась, да еще как, старушка Земля, вместо доброго Бога с белой бородой подсунули мерзкий бездушный космос, набитый развратными элементарными частицами, а прекрасное будущее в райском саду заменили разнообразными вариантами гибели. Как увидишь где-нибудь «ученые утверждают», «по мнению ученых» – ну, сердце и замирает: опять беда головушке. Двадцать лет травят наших ученых чуть ли не дихлофосом, а они упрямо высовывают свои птичьи головы и каркают над человечеством, как вороны над потенциальной падалью. Ну что ж, как вы предпочитаете погибнуть – от переохладения или от теплового удара? Частично или всем человечеством? Я слышу невероятный для культурных петербуржцев ответ «а не один ли хрен». Нет, не один. Давайте обсудим открывающиеся перспективы. На холоде лучше сохраняется материя, и женщины под слоем льда будут неплохо смотреться, зато при тепле лучше будут созревать помидоры. Какое-то время. При холоде не будет запахов разложения, но при тепле зато можно будет сэкономить

на поездках в Турцию. Не могу я выбрать, пусть президент сам назначит, от чего нам помирать, и не мучает людей! Но на самом деле, как говорит мой друг-писатель Сергей Носов, не волнуйтесь, история обманет всех. А природа, добавлю я, всем даст по кочану мешалкой. С чего это ученые взяли, что наступит или жара, или холод, что-нибудь одно? Опыт жизни в Петербурге показывает, что кошмары, как администрация Валентины Ивановны, выступают единым фронтом. Так что сбудутся все прогнозы! С чего мы вообще вообразили, что небесная канцелярия работает как-то иначе, чем наша земная? Сначала будет похолодание кое-где, потом глобальное потепление, потом опять где-то похолодание, потом снова потепление местами, потом отключат солнце, на небе выступит Бог и скажет, что это безобразие и он так не распорядился, солнце ненадолго включат, по ошибке опять врубят потепление, тут же вырубят и оставшееся заморозят и смоят потопом. После чего умытую и очищенную землю бережно установят на могучие спинки трех надежных китов. На которых она простоит до тех пор, пока в ходе эволюции из нормальных добропорядочных обезьян-мутантов не вырастет бог вещь каким образом черт его знает какая загадочная тварь.

Насчет первого апреля

В апреле, особенно первого числа, всем людям разрешаются шутки, розыгрыши и обманы. Но я этой привилегией

пользоваться не буду. Потому что русский мир дошел до такого состояния, что обмануть или разыграть кого-нибудь – это совершенно не смешно и не оригинально. Вот взять и сказать то, что действительно думаешь, – вот это да, это круто. И я сейчас это сделаю. Многие русские умы думали и думают – отчего это так мало кому на Руси жить хорошо? Почему нет на свете русского счастья? Ну что ж. Возьмем для примера сто лет, с 1906 года по 2006-й. Был у русских государь император, был Иисус Христос и великая православная вера – продали и государя императора, и Христа, и веру, за советский социалистический рай, за дедушку Ленина и папу Сталина. Потом продали и советский рай, и дедушку Ленина, и папу Сталина – за свободу слова, за демократию и рыночную экономику. Потом продали и свободу слова, и демократию, и рыночную экономику – за сильную руку, борьбу с террором и президента Путина. Можно не сомневаться, что продадут и президента Путина вместе с сильной рукой. И это всего лишь за сто лет! За ничтожный исторический срок! Что же это за люди? Почему так легко они уступают свою веру и меняют социальные направления? Что у них в головах? И откуда же тут возьмется счастье, с такой шаткой психикой? Месяц назад в магазинах вдруг пропала соль – раскупили. Прошел слух, что соли не будет, народ живо ломанулся и все смел. Тем более соль, которую бабки купили в 1991 году, во время Великой Паники, уже вроде закончилась. Через две недели покатила информация, что бьют птицу из-за грип-

па, и после соляной паники наступила яичная, два дня в городе не было яиц. Что это значит? Может, население открыло способ солить яйца впрок по типу огурцов? Нет, воистину, это «темное царство», как заметил критик Добролюбов, и в этом темном царстве правит бал та самая булгаковская Аннушка-чума с подсолнечным маслом. И ей, этой Аннушке, конечно, по барабану и Христос, и Ленин, и демократия, и террор, и черт в ступе. Потому что она идиотка. Она думает, что она очень хитрая и умная, и всех обманет и обойдет, и отлично проживет, — а она невменяемая дурында. И никогда не будет ей счастья, даже того крошечного, о котором она мечтает. Вы, дуры Аннушки, ежели государя императора все равно не вернуть и папа Сталин не воскреснет, вы хоть вникните, что Христос-то говорил. Может, поможет?

Выселяют за неуплату

Ну что ж, вот у нас начались буквально романы Диккенса и Достоевского: трущобы, ростовщики, плач нищих, выселение бедняков. Разница в том, что в романах гнев униженных и оскорбленных изливался на бездушного домовладельца, на хозяина-злодея — а у нас домовладельцев нет и весь гнев целиком идет в казну, обрушиваясь на государство. Или, как сказали бы в старину, на государевых людей. Тем, кто конкретно участвует в переселении неплательщиков, не позавидуешь: тут даже не молоко за вредность надо давать, а чистый спирт, ибо невеселы наши петербургские недра, ох

невеселы. А вот заказчик этой мелодрамы, то есть жилищно-коммунальное хозяйство, явно ждет не дождется возмездия. Да, по закону все правильно. Платить за квартиру надо. А по совести? Отчего это мы всё должны ЖКХ, а оно нам – ничего? Разве коммунальщики соблюдают в отношении нас хоть какие-то законы, правила, нормы? Почему неплательщиков выселяют за систематическую неуплату, а ни один коммунальщик не был наказан за систематическое неисполнение обязанностей и не попал под суд? Не хотят ли правоохранительные органы проверить, в каких квартирах живут работники ЖКХ, когда они их приобрели и на какую сумму? А не принять ли нам закон, по которому работника ЖКХ, не исполняющего свои обязанности, выселяют из занимаемой им жилплощади и лишают питерской прописки? Это было бы справедливо. А то у меня страшная картина в голове – как на месте выкинутого из квартиры должника вскоре поселяется проворный работник ЖКХ. Времени и сил судиться с ними, с проворными, нету. Но я предлагаю все-таки крыльев не складывать. Каждый, даже совсем ослабший петербуржец, в силах написать письмо. Это и психотерапия будет хорошая. Берем вечером ручку, бумагу, пишем под копирку письмо о том, что мы думаем про наше ЖКХ. Такое сочинение на вольную тему. И отправляем «Москва, Кремль» – ну а копию куда хотите. Реагировать они в Кремле обязаны, там сто тысяч человек сидит, в администрации президента, вот пусть и реагируют. А платить за квартиру надо. Вы это-

го не запускайте, товарищи. Сами видите, к чему дело идет – за рубль вам голову оторвут и по закону, как без закона. Но, заплатив, станьте тверды как скала: подавай, дескать, что положено!

Кончилось лето

Граждане, будем смотреть правде в глаза или что? Лето закончилось. Березки-предательницы первыми перебежали в стан нового начальства – госпожи Осень. Интересно, что в русском языке все времена года в женском роде, кроме лета: лето у нас «оно». Да, наши предки были безупречными стилистами и знали, что русское лето – это именно что «оно». Но хватит лирики – вот вам новости родного театра абсурда. На днях получаю квитанции на оплату квартиры за летние месяцы и долго моргаю натруженными глазами: в графе «отопление» везде значится – шестьсот рублей. Всем известно, что отопление в Питере включают только после двух бронхитов на душу населения. Но платить за это надо уже сейчас – видимо, чтоб сохранить традицию, чтоб граждане не отвыкали платить. Ничего себе – шестьсот рублей с одной квартиры. Это примерно двадцать долларов. С тысячи квартир получается двадцать тысяч долларов за один месяц. А квартир у нас сотни тысяч. А не топят в них примерно полгода. Соображаете? Да за эти деньги можно серебряные котлы поставить с золотыми радиаторами! Во бизнес – не сей, не паши, только денежку считай. А главное, как эlegant-

но: всего и расходов, что на несколько черных букв на белой бумаге. Они, конечно, будут говорить, что летом, дескать, все ТЭЦ готовятся к зиме, поэтому мы платим не за данное отопление конкретно, но за саму идею будущего отопления. Все это абсолютно незаконно, тем более что ни к какой зиме никто не готовится, а просто инженеры ждут нормативной температуры воздуха плюс восемь в течение трех дней, после чего включают кнопки. Как им при Сталине приказали топить только при плюс восьми, потому что нечего народ разнеживать, так и осталось. Да, Иосиф Виссарионович поставил дело на такие прочные рельсы, с которых оно не скоро свернет. А новые времена добавили только то, что за все эти издевательства еще и платить надо. Слушайте, граждане, давайте-ка бросим нашу летнюю расслабуху и дружно, всем миром, отправимся в суд. Жалко денег-то. А дело верное. И потом, надо как-то останавливать эту художественную самодеятельность в квитанциях по квартплате. А то они бог весть что могут написать. «Ругать губернатора – 300 рублей». «Мечты о лучшей жизни – 200 рублей». И поди докажи, что ты губернатора не ругал и о лучшей жизни не мечтал, а!

Открыли памятник Собчаку

Увековечена память о первом мэре Санкт-Петербурга. Хотя Анатолий Александрович Собчак явно не был лучшим градоначальником Питера и даже вообще трудно вот так сра-

зу взять и сказать, что именно полезного и доброго принес он родному городу, жители избегают говорить о нем плохо. Думают по-разному, а высказываться предпочитают как-то уклончиво. Наверное, смерть первого мэра поселила в горо- жанах чувство вины за один летний день, когда ровно десять лет назад совершенно неожиданно Собчак проиграл выборы своему заместителю. Явка тогда была рекордно низкой, по- этому каждый петербуржец, который на выборы не пошел, может теперь тайком думать, что именно он и повернул ход истории. Однако чувство вины это – фантомное. Ведь «Соб- чак» – это не фамилия одного человека. Это, скорее, на- звание мощной фирмы, семейного бренда, чью неутомимую раскрутку мы имеем удовольствие наблюдать уже много лет. И никакого конца и краю у деятельности бренда «Собчак» не предвидится. А если бы Анатолий Александрович продол- жал быть мэром Петербурга, фирма «Собчак» тихо занима- лась бы крупным бизнесом, как, например, семья московско- го мэра, и мы бы знать не знали о сказочных красотах Ксе- нии Собчак и титаническом уме Людмилы Нарусовой. Уж об этом первый мэр бы позаботился и светиться с утра до вечера в средствах массовой информации своей семье бы не позволил. Так что петербуржцы перед Собчаками ни в чем не виноваты – наоборот, это петербуржцы способствовали тому, что в неутомонных душах фирмы «Собчак» загорелся огонь желания бесконечно самоутверждаться и настаивать на себе – огонь, который нынче уже кажется вечным. А что

касается памятника отцу семейства, то нельзя не пожалеть, что он сделан человекоподобным, как большинство дохлых памятников нашего бездарного – в смысле искусства – времени. Гораздо эффектнее было бы поступить иначе – например, в честь первого мэра устроить фонтан, напоминающий фонтан его красноречия!

Катастрофа на рынке

Да, вот мы и получили очередное предупреждение, а наши предки сказали бы – знамение, на День защитника Отечества. Праздничный салют не отменили, но надеюсь, не оттого, что большинство погибших на Басманном рынке были не русские? А то уж совсем неприлично получается – салют на чужой крови. Нету, нету благословения этому царству. Итак, у нас сложилась народная примета – если падают здания архитектора Нодара Канчели, значит, скоро весна. Виноват или нет архитектор Трансвааль-парка и Басманного рынка, разберется прокуратура, но прямо скажем, сто лет назад такому специалисту ничего не оставалось, кроме как застрелиться, доказывая тем самым наличие хоть какой-то чести, а сегодня он интервью дает как суперстар. Что ж, нам, в нашем полумертвом городе Петербурге, глядя на очередную московскую трагедию, надо срочно делать выводы. Что будет обваливаться в первую очередь? В первую очередь повалится застой, то есть здания, построенные в семидесятых-восемидесятых, когда блатные архитекторы проектировали, пья-

ные рабочие строили тяп-ляп, а приемка подписывала, потому что Иван Иванович из обкома вопил «давай-давай». Все здания, построенные в застой, тревожны, их надо проверять постоянно. Во вторую очередь повалится новодел, из-за помешательства на быстрой выгоде. Ни у кого сейчас нет и мысли, что и за ним, и перед ним десятки веков, сотни поколений потомков, – нет, слепим немедленно пирожок с дерьмом и съедим. Вот и вырастают постыдные уродцы вроде этой дурынды с колоннами на Владимирской площади. Все это аварийно. Ведь в состав раствора, которым крепят кирпичи, кроме строительных материалов, входят компоненты нематериальные, казалось бы, но без них никуда – например, профессиональная честь, профессиональная совесть. Разве это сейчас есть на русском свете? Кстати сказать, в этот день я шла мимо рынка, что на Васильевском острове, и была поражена – одинокий героический рабочий сбрасывал снег с крыши. В праздничный день! А надо заметить, рынок наш спроектирован еще при царе-батюшке Николае Первом, у него классическая крыша, на которой снег-то и не скапливается почти. Но, видимо, в этот злосчастный день директор Василеостровского рынка посмотрел московские новости и в холодном поту срочно распорядился снег с крыши убрать – дескать, береженого Бог бережет. Вот молодец, на самом деле! Таких предусмотрительных людей и надо продвигать в правительство города. Только на них и надежда!

4 ноября – День народного единства

Смута закончена! После 1612 года у нас на Руси почти сразу наступил 2000-й, когда был избран президент Путин. А всё, что было между этим датами, – в общем, мелкие детали. Какие-то нервные цари. Бунты и революции. Зачем в это вникать? Вот Новый год – понятный праздник – в новом году у президента будут новые успехи в борьбе с народом за народное единство. 23 февраля – тоже ясно: надо поздравлять верховного главнокомандующего с тем, что выйти замуж за военного из мечты любой женщины стало ее кошмаром. А революция 7 ноября – праздник, который никак к первому лицу не привязать. Видимо, дело зашло уже так далеко, что все то, что не нужно первому лицу, считается не нужным и России. И вот начинаются чудеса. Дело в том, что реформа календаря – главный признак всякой смуты. Календарь меняют революционеры, тираны, цари-реформаторы, то есть источники повышенного исторического беспокойства. Где трогают распорядок жизни и человеческое обыкновение – там жди волнений и жди беды. Нас трясут уже двадцать лет. Двадцать лет нас пересаживают из почвы в почву, рвут наши слабые корешки и приказывают приживаться на новых исторических грядках и понятиях. И теперь предлагают поверить в искусственный, фантомный, мертвый изначально праздник окончания смуты – а на самом деле смута в полном разгаре. Если на дворе всё в порядке – никто не меняет календарь. Это, конечно, чисто стилистически очень по-рус-

ски – когда самозванцы борются с самозванцами, а народное единство предлагается праздновать тогда, когда у народа нет никакой объединяющей идеи. Но достичь кое-какого согласия между верхами и низами все-таки можно. Для этого мы, так уж и быть, согласимся отдыхать 4 ноября в качестве Дня народного единства, но вытребуем себе все-таки 7 ноября в качестве Дня народного гнева. Поймите, это необходимо. Русское народное единство на трезвую голову немыслимо. После трех дней сплошного единства наступает соответствующее состояние. В котором я и предлагаю праздновать День народного гнева. Оставив его на законном старом установленном месте. В этот день мы, если будут ноги ходить, пойдем куда-нибудь и скажем: Господи, когда их утроба ненасытная насытится! Сколько им еще нужно резиденций, дач, самолетов и яхт, чтоб они от нас отвязались на фиг! Как они нам осточертели все со своими законами, указами, постановлениями, праздниками!

Какое у нас все-таки на Руси начальство беспокойное, просто ужас.

Накануне саммита появились официальные объявления, призывающие сдать оружие

Удивительное дело – объявления, призывающие петербуржцев сдать оружие на время саммита, кажутся вполне уместными. Тот, кто составил их, явно что-то правильное понимает о психическом здоровье своих граждан. Конечно,

начинать разговор надо тихо, ласково – ведь очень может быть, что в Северной столице уже приготовились к саммиту как следует, и дедуля откопал пулемет, и мужички вырыли обрезы, и даже тетя Зина на всякий пожарный прикупила по случаю «макарова». Мысли насчет наших друзей из «восьмерки», конечно, кое-какие завелись на берегах Невы. И очень правильно поступили авторы бессмертного объявления, выбрав спокойную, эпическую интонацию, без всяких угроз, без агрессии. Можно было бы, правда, иначе начать, например: Дорогие петербуржцы! К сожалению, во время саммита пристрелить никого не удастся. Дедуля, давай сдадим пулемет, лады? Все равно Берлускони не приедет, а приедет какой-то Провиди, которого мы пока и знать не знаем. Мужички, обрезы на временное хранение кладем быстренько, договорились? Что Ангела Меркель, Ангела Меркель... Сами понимаем. Сами бы всех феминисток своей рукой бы... Нодохлый номер, мужички, ну вы ж сами понимаете – саммит. У нас же распоряжение на руках – жители города на три дня покидают место жительства по доброй воле. И куда ты, Зина, положишь «макарова» – в багажник? И доедешь ты, Зина, до первого поста, и там расскажешь, чем тебе не потрафил маленький Буш.

Граждане, по случаю прибытия главных хранителей мира сдавайте оружие на временное хранение и не предавайтесь пустым и вредным мечтам!

А если серьезно, то вот что удивительно – что это за пти-

да такая, временное хранение сданного оружия, в каких законах оно предусмотрено? Если оружие имеется на законном основании, то его никто не имеет права отбирать ни на время саммита, ни на время всемирного потопа, а если оружие имеется незаконное, то как это вообще возможно – хранить в официальном помещении незаконное оружие, а потом его раздавать обратно? Но дело-то в том, очевидно, что на время саммита городом будет распоряжаться не родная милиция, которая знает своих граждан как облупленных, а чужаки, федералы, которые могут сначала уложить человека на всякий случай, а потом уже разбираться, было ли у него разрешение на ношение. То есть наши-то сразу видят, был ли у питерского человека умысел, а со стороны это не очень понятно. На посторонний взгляд мы, питерские, все люди неприятные. Чужие могут не разобраться. Короче, граждане, сдавайте оружие, ей-богу, не мучайте правоохранительные органы, которым и без саммита, чтоб он был здоров, тошно.

Вспоминая августовский путч

Интересное приключение случилось с народом – я имею в виду дни августовского путча 91-го года, так сказать, восстание павших коммунистических ангелов против главы государства. Тогда всем народным телом мы испытали сильное и редкое чувство – чувство колоссальной коллективной нежности к своей этой самой главе, к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Он был нам роднее родного: помня судьбу цареви-

ча Дмитрия, мы подозревали ужасное. Этого не забыть! Люди плакали прямо в портвейн. Но дело обошлось – коллективная нежность утешилась, Михаил Сергеевич вернулся из заточения цел и невредим и сказал загадочную фразу – дескать, всей правды о путче 91-го года я никогда не расскажу.

А ведь придется рассказать, Михаил Сергеевич, на Страшном суде – и тому, кто и без вас знает, что дело нечисто. Да, нечисто дело и с 91-м годом, и с 93-м, и с многими другими годиками. И такой коллективной нежности к главе государства больше, надо полагать, не будет никогда. Причем не только в России. Много где в мире главы государств не любят рассказывать всей правды, да никакой правды вообще не любят рассказывать. И поэтому я думаю, что... вот представьте себе такую картину. Приходит на маленькую планету Земля кто-то большой и окончательный, с хорошим таким мешком. И в этот мешок он кладет всех – Джорджа Буша и Фиделя Кастро, Ющенко и батьку Лукашенко, туркменбаши и Михаила Саакашвили, друга Ширака вместе с другом Блэром и другом Шрёдером, Берлускони и эту латышскую девушку, не помню фамилии, короче, вы меня поняли. Всех в один мешок. А мешок утопить в море. Нет, это не я предлагаю их всех утопить в море, мне моря жалко, это я рассказываю такую воображаемую картину, как приходит некто могучий и кладет всех глав государств в один мешок. Какая уж там коллективная нежность! Да мы только посмеемся – неужели их всех черт побрал? Вот так вот. А потому

что врать не надо, предавать доверившихся не надо, и вообще... Моя добровольная народная дружина «Петербург против всех» с грустным смехом вспоминает это давнее и глупое чувство всенародной нежности к главе государства. Дурачки, дурачки.

Прощеное воскресенье

Сегодня Прощеное воскресенье, и надо бы мне, покайсяв-шись в частной жизни как частное лицо, повиниться и в своем общественном обличье. Ведь я за год много кого задела. Что ж, я попробую. Простите меня, главы государств всех стран, за то, что я предположила, будто если всех вас сложить в один мешок и мешок этот утопить в море, то никто не прослезится. Это не так. Прослезятся. Оказывается, Джордж Буш знал про ураган «Катрина» и не принял никаких мер. Ну и что ему теперь за это, как говорил незабвенный Глеб Жеглов, – талоны на усиленное питание? Утопить мало гадюку. О господи, я опять за свое. Прощеное же воскресенье. Ладно, попробуем еще. Простите, Владимир Владимирович, я вас как-то назвала «наипрезидентнейшим из президентов». Это я намекала на фильм «Королевство кривых зеркал», где подхалимы-придворные величают короля Ягупопа «наикорольейшим из королей». А разве у нас уже наступило королевство кривых зеркал? Вон показывали когда пресс-конференцию президента, так там вылез безумно смелый тележурналист с нашего Пятого канала и гневно, бескомпромиссно

спросил у президента, почему он так хорошо выглядит. Так что гласность на марше! Простите меня, кстати, и работники Пятого канала, про который я сказала, что это муляж телевидения, набитый чучелами журналистов. Вы разве виноваты? Вы несчастные люди, вам надо семью кормить. Правда, всем надо семью кормить, и сегодня можно пока выбирать, за счет чего кормить семью, и профессиональный долг еще пока никто не отменял, но раз сегодня Прощеное воскресенье, то простите меня на недобром слове. Ну нет у меня для вас других слов! Не завезли! Валентина Ивановна, госпожа губернатор! Вы, наверное, атеистка, раз Пятый канал вас ни разу в церкви не показал, но поверьте, пустое это все, Бог никуда не девался, рай и ад на своих местах, потому простите и вы меня – по-русски, по-православному, от всей души, поскольку я как три года назад сомневалась в том, что вы справитесь с губернаторской должностью, так сомневаюсь и теперь. Вы управленец старого образца, дитя ленинградского обкома, и ваш стиль – орать по селектору «Иван Иванович, где корма» и ставить на вид с занесением. А на дворе XXI век, и на руках у вас огромный мегаполис. Избавляйтесь от подхалимов, Валентина Ивановна, они вас до добра не доведут, все эти курицы вокруг вас, извините за выражение. Господин управляющий метрополитеном! Простите меня, я как-то перепутала вашу фамилию – Гарюгин и назвала вас не то Дерюгин, не то Варюгин. И потребовала финансового отчета за год. Я больше так не буду! Тем более ваш отчет

мне на фиг не нужен. И так всё понятно... О боже, время заканчивается, а еще сколько обиженных-то, господи! Тогда вот что. Не будем мелочиться. Господи, прости Ты меня за всё! И я Тебя прощаю!

Инопланетяне среди нас!

Недавно меня взволновали два факта, чем-то непонятно связанные между собой. Во-первых, конгресс астрономов развенчал планету Плутон, и она теперь не равноправная планета Солнечной системы, а планетоид. Во-вторых, в ряде регионов перед выборами почему-то отказали в регистрации Партии жизни под водительством спикера Совета Федерации Сергея Миронова. Осмысление этих фактов явно находится за пределами человеческого разума. Очевидно, что смещение Плутона могло быть выгодно только выходцам с других планет, заинтересованных в укреплении на земле своих позиций. Значит, фантасты правы, и марсиане, венерианцы, юпитеряне и прочие давно среди нас и лоббируют свои инопланетянские интересы, и весьма успешно! Скомпрометировать Плутон, планету войн и революций! Подозреваю – это интриги Юпитера. Но кому понадобилось шучить Партию жизни, я понять не могу. Сергей Миронов невнятно пожаловался на административный ресурс и чьи-то происки. Четвертое лицо государства жалуется на административный ресурс – уму непостижимо! После гоголевской унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла,

это второй такой случай художественного самооговора. Если Кремль вдруг так сильно потянуло на самокритику, ему пора выпускать стенную газету. Видимо, остатки кремлевских политтехнологов, отчаянно цепляясь за ускользающие рабочие места, придумали некие гонения на Партию жизни, чтоб изобразить ее оппозиционной и страдающей. Все это напрасный труд, поскольку Партия жизни есть чистый вакуум, священная пустота, и сколько ни выстраивай мнимые гонения на нее, толку не будет никакого. Есть единственный способ сильно укрепить позиции Партии жизни: надо эту партию отправить на реально пострадавшую планету Плутон. Пусть Партия жизни именно там развернет в полный рост реализацию своих предвыборных обещаний, и можно не сомневаться, в рекордно короткие сроки, за какие-нибудь четыре плутоновских года, опальная планета вернет утраченный статус и сильно прогремит на всю Солнечную систему. Если, конечно, Кремль поможет. А если не поможет – лишимся мы нашей драгоценной Партии жизни, вот будет слез-то, вот будет рыданий о пропавших бойцах. И Сергей Миронов, отправившись на Плутон, наконец станет не жалким клоуном, а настоящим национальным героем. Других шансов на это у него не предвидится!

Так и говорила Таня Правдючка, пока не закрылась программа...

2008

Бешенство жира

Есть прекрасное, энергичное русское выражение – «с жиру беситься». Оно имеет в виду, конечно, не физическую толщину, а особое состояние души. Когда некто заполучил все, о чем мечтал, удовлетворил все реальные потребности – и вместо того, чтобы радоваться и благодарить Бога за милость, взбесился.

То есть стал истерически выдумывать себе еще больше потребностей, жадно изобретать какие-то специальные формы благополучия.

По-моему, у некоторой части наших граждан наступило такое «бешенство жира». Граждане это особые, денег на свои прихоти не жалеют. И неистово, как положено взбесившимся, вторгаются и в природу, и в сложившуюся городскую среду.

Я часто и подолгу гуляю по Санкт-Петербургу. Иду и плачу – фашисты так не разбомбили город, как «разбомбили» его наши взбесившиеся. Правда, фашистам противостояли ленинградцы, которые гибли сотнями тысяч, но берегли город, бережно укрывая его маскировками, пряча статуи, дежуря на крышах. Страшной ценой сохранена была эта красота! А сегодня – не уберегли. Зияют пустоты на Невском, на Литейном, на улице Восстания, на набережной Робеспьера, на острове Новая Голландия, у Театральной площади, на

Московском проспекте... Нет домов! Ради чего? Ведь Петербург – заветный город всей России, да что там скромничать – один из любимейших городов человеческой цивилизации вообще. Его исторический центр – это гениальный архитектурный «роман», туда нельзя вставить какие-то новые страницы и уверять, что так и надо. Но, может быть, придется идти на такие жертвы, чтобы возникло что-то позарез нужное, необходимое городу?

Нет, ничего действительно необходимого городу на месте снесенных домов не будет. Это русская православная цивилизация строила церкви и дворцы, а русская советская – школы и дома культуры. Нынешняя «цивилизация» строит только то, что связано с торговлей. Поэтому на месте снесенных просто домов и домов культуры будут такие же отвратительные, как и повсюду, безликие торговые центры известных фирм и огромные, дико блистающие гранитом новые дома. Для особенных людей, которые могут заплатить фантастические суммы (несколько миллионов долларов) за право жить именно в таком доме или торговать в таком центре. Они эти дома и заказывают, чтоб хвастаться потом, как они лихо умеют жить, как ради их капризов можно и Невский проспект подвинуть.

Я не знаю, что это за люди, не знакома ни с одним таким человеком. Мы как инопланетяне. Почему они считают себя вправе уничтожать прошлое, подминать культуру, оскорблять человеческую память?

Наверное, обычные люди, которые любят свой домик, свой дворик, свой квартал, дорожат прошлым, уважают труд предков, – кажутся таким «взбесившимся» какими-то жалкими дурачками.

Вот иду по Большому проспекту Петроградской стороны, где всегда было много приятных, ухоженных скверов. Скверы позарез необходимы городу и для красоты, и для пользы – дышать же нечем, – и для маленькой общественной жизни. Где же детям поиграть, старичкам поговорить? Боже, ни одного сквера больше нет на Большом – все застроено. И застроено торговыми центрами с надписями на латинице, каких пруд пруди.

Между тем в Петербурге, как и во всей России, нищие, ободранные больницы, бедные школы и детские дома, ужасающие по дизайну общественные места (паспортные столы, отделения милиции, собесы, флюорографические станции и т. п.). Переполненные тюрьмы, огромные проблемы со здоровьем населения, с малым бизнесом, который пять лет душат, со средствами массовой информации, которые изолгались и потеряли квалификацию... Решаются ли эти проблемы? Потихоньку, по чайной ложке, конечно, что-то двигается. Но куда менее бойко, чем история с офисом Газпрома – башней высотой в 400 метров, которую задумали поставить в центре Петербурга, возле Смольного, на Охте.

Напрасно геологи и архитекторы пытаются объяснить, что нельзя строить небоскребы на 61 параллели, что пронизан-

ная подземными водами земля газпромовского монстра просто не выдержит, не говоря уже о загубленных панорамах Невы! Напрасно немногие честные писатели и журналисты твердят, что в городе с такими социальными проблемами стыдно, позорно тратить столько денег на лишнюю, бесполезную вещь. И о какой привлекательности для туристов может идти речь в городе, где с такой быстротой уничтожают главный объект этой привлекательности – божественные виды, старую застройку?

Нет, бешенство жира само по себе пройти не может, нужно какое-то лечение. Верхушка Газпрома, очевидно, взбесилась. Вот хочется на башню, семечек полужгать и хоть ты тресни. Спрашивается, а за что им такие привилегии? Они что, открыли природный газ, разведали его месторождения, наладили добычу? Да нет, все это сделали задолго до того, как А. Миллер получил комсомольский билет. И те, кто это сделал, получили затем от жизни ровно то, о чем говорится в известном стихе. «Это молот, это серп. Это наш советский герб. Хочешь сей, а хочешь куй, все равно получишь – (...)!» А нынешние монополисты, которым разрешили забирать все у природы и не делиться с населением, хотят иметь (...) побольше. Размером в 400 метров. Чтоб этот газом надутый (...) далеко было видеть!

Некоторые считают, что во всем виновато бескультурье. Не совсем так. Какое же, например, бескультурье может быть у всемирно прославленного дирижера, руководителя Мари-

инского театра Валерия Абессаловича Гергиева? Ведь это благодаря ему зияет яма на Крюковом канале, три года уже. Оказалось, снести целый квартал снесли, а выяснить, что грунт не позволяет строить очередное чудище – вторую сцену Мариинки, – «забыли». А Гергиев носится себе по миру, захваленный-перехваленный, увенчанный-обласканный, Петербурга он, видимо, не знает, не ценит, для него это просто одна из площадок для самоутверждения. Так что описанное нами «бешенство жира» может затронуть и мастеров культуры. Они у нас как-то традиционно не обществу служат, а трутся около власти.

Позвольте, однако, напомнить, что в России действует демократическая форма правления. И власти к нам не с неба упали, а наняты гражданами на работу по общественному договору, выполнять определенные функции. А ими, властями, начала манипулировать взбесившаяся от жира малюсенькая прослойка патологически зажавшейся новой буржуазии, сросшейся с чиновниками. И плоды этой манипуляции сейчас растут по всей России.

По всей России рычат бульдозеры, снося прошлое во имя будущего для немногих, по всей России иноземные рабочие, вообще не понимая, где они и что делают, срывают историю, память, жизнь людей. У Петербурга еще есть защитники, которые кричат, возмущаются, проклинаят. А в менее знаменитом городе все вообще будет шито-крыто. Там, как при Гоголе, сидит какой-нибудь навечно назначенный губерна-

тор, окруженный холопами, и ни одна газетенка не пискнет. При Гоголе хоть надежда была на ревизора – приедет инкогнито из столицы и напишет царю правду. А нынче и ревизоров никаких нету.

Одна надежда на чудо: вдруг какой-то властитель ножами пройдет по вверенному населенному пункту. Прошелся же по Питеру вице-губернатор Вахмистров и нечаянно заметил, что новодельное здание Торгово-сырьевой биржи высывается из-за Биржи старинной на несколько метров, портя святая святых – стрелку Васильевского острова. А до этого никто ничего не знал. До этого главный архитектор Викторов сердито говорил журналистам, что они не оттуда смотрят и не то видят, что положено. И всё, нажали на переключатель! Тут же забегали, засуетились аж на официальном Пятом канале местного ТВ – загадочном канале, который врет даже температуру воздуха, приказали скрыть лишние этажи...

Как полезно ножками-то ходить, а! Особенно если жира накопилось.

Всем советую, а то ведь и взбеситься недолго. Тогда уже придется лечение назначать.

Может, и хирургическое.

P.S. Статья, написанная в июне 2008 года, оказалась пророческой. – Татьяна Москвина, 2009.

ТВ своего счастья

Сказочная история с неумолимым внедрением Пятого канала, вещающего из Петербурга, в регионы России вплоть до самой матушки-Москвы подошла к апофеозу. Санкт-Петербург окончательно лишился городского телевидения, а ТРК «Пятый канал» стал бесповоротно федеральным и получил право на государственные дотации при распространении своего вещания в городах с населением менее 200 тысяч человек.

Между тем в 2004 году, когда канал в связи с избранием на пост губернатора Петербурга В.И. Матвиенко объявил о своем полном обновлении, гражданам города было торжественно и клятвенно обещано, что это будет наконец полноценное городское телевидение. Современное оборудованное и целиком посвященное родному городу.

Для выполнения поставленных задач прежде всего с канала были убраны почти все имевшиеся там и тогда профессиональные журналисты, а вместо них взяты «из народа» юные дарования на основе лютого скоропалительного кастинга. Руководители канала, опровергая традиционные для Питера малые скорости, спешили – непонятно зачем – решительно отказаться от какой бы то ни было преемственности и построить новое телевидение на голом месте.

Результаты подобной бессмысленной торопливости не за-

медлили явиться. Юные дарования, не умеющие совсем ничего, запинаясь на каждом слове, в котором вдобавок они не все звуки произносили, появились в студии, победоносно окрашенной в красный цвет, и вызвали у добродушных людей чувство мучительной жалости (и не зря – никого из тех несчастных скороспелок больше на Пятом нет, поиграли и бросили), а у людей злоязычных – подозрения в напрасной трате немалых денег. Вещание, с самого начала возбуждавшее раздражение у многих из профессионального сообщества журналистов Петербурга, слишком очевидно нуждалось в другом уровне компетентности.

Обещанного скоростного повышения рейтинга (заявлялись цифры доли в 10–15 % супротив прежних 6–7) не произошло и произойти не могло. Складывалось впечатление, что руководители нового вещания с самого начала не имели ни творческих, ни коммерческих задач – они имели задачи чисто административные. Новый Пятый канал родился из «головы» от административного ресурса и не мог быть ничем иным, кроме как имитацией телевидения.

Игра в имитацию городского телевидения, на котором не обсуждалась толком, с привлечением широкой общественности, ни одна серьезная проблема города, длилась недолго – менее двух лет. Пятый канал, сохраняя свою тяжкую административную поступь, выиграл загадочный конкурс на вещание для регионов. Соответственно для проблем городской жизни у него и вовсе не осталось места – следовало перехо-

дить в некий «общепопный регистр», строить вещание таким образом, чтоб оно оказалось нужным и важным таинственным регионам, о которых руководство канала, хотелось бы надеяться, имеет примерно столько же понятия, сколько руководство страны.

Но вот беда какая! Регионам не нужно телевидение «вообще», ориентированное на среднеарифметические регионы «вообще». Регионы смотрят либо большое московское телевидение, с его устоявшейся хищной, яркой, звонкой поведкой (и в нем явно недостатка нет), либо свое местное, где все свое, близкое и понятное и делается своими журналистами. Невозможно соорудить какое-то третье телевидение, интересное и на Волге, и на Урале, и на Дальнем Востоке. Тем более Пятый канал сразу и решительно отказался от элегического «культурного колорита» в питерском духе – а Питер только культурой и мог бы быть интересен стране.

Нет, это же старомодно, никому не нужно, не вписывается в новый стиль города! Ведь и старомодный Санкт-Петербург нынче сносят ударными темпами, чтоб построить новенький мещанский городок, где будет бетон-стекло-металл и всюду цветочки для запаха вместо вековых деревьев.

Логотип Пятого канала – не какой-нибудь там бело-голубой ангел, а уверенная красная пятерка на желтом квадрате. Это цвета дешевого супермаркета, торгующего просроченной едой. И цвета эти с этими ассоциациями выбраны далеко не случайно – таков общий стиль, метод, да и суть дела:

агрессивное завоевание пространства прежде всего. А смысл происходящего, а наполнение пространства – это как-нибудь обождет. Чем-нибудь да заполним квадратик эфира, не важно. Кто вообще будет докапываться? А будут докапываться, издадим указ за подписью, что наше телевидение – отличное, и за такой подписью, что мало не покажется...

По всему по этому в настоящий момент Пятый канал не имеет грамотной сетки вещания – откуда бы она взялась? Можно, скажем, ненавидеть и презирать НТВ, но такая сетка у НТВ есть. На канале четко знают, что его формат, а что нет, чем вторник отличается от пятницы, а 18 часов от 23. Зритель всегда найдет привычные вещи на нужных местах и без труда определит, что ему смотреть, а от чего шарахаться. Конечно, можно сказать, что Пятый еще очень юн и у него все впереди. Но тем, кто видел Пятерку, когда она еще была «обновленным городским» телевидением, понятно, что впереди у Пятерки все то же самое, что и было. Пороки этого канала, являющегося мертворожденным дитем административного ресурса, тоже врожденные, основанные на все той же недостаточной компетентности, умноженной на крайнюю самоуверенность и повышенную агрессию (что обычно свойственно всем активным людям, не справляющимся с порученным делом).

Разумеется, на канале изредка случаются интересные фильмы – если вы купили пакет из ста картин, там ведь найдутся двадцать интересных. Случаются приличные переда-

чи – почему бы и нет. Но все это тонет в общем хаосе не придуманного как следует, не структурированного вещания, озадаченного ложной целью захвата пространства без настоящих творческих или хотя бы коммерческих задач.

Пятый пытается изобрести какие-то темы «для регионов», которые «прокатят» во всех часовых поясах нашего отечества. Но поздно, поздно явилась на медиарынок агрессивная провинциальная Пятерочка. Телевидение, которое «катит» везде, уже есть везде, и во многих лицах, и там сидят такие зубры, такие волки и медведи, с таким опытом креатива, что, взглянув на потуги «ТРК Пятый канал», только и вздохнешь – ну, куда конь с копытом, туда и рак с клешней! Новости на Пятом, скучно поданные, невнятно откомментированные, перегруженные текстовой информацией на экране (весь экран залеплен!), с невыразительными, некрасивыми ведущими, в безвкусно раскрашенной студии, не выдерживают никакого соревнования со «старыми» федеральными каналами, и это понятно. Тележурналистика – не однолетнее растение, информационную службу надо выращивать годами и понимать, что это такое. Тут одними голыми деньгами не обойдешься. Подобно претенциозному дилетанту, Пятый подражает не кому-то одному, а всем состоявшимся каналам сразу – то вдруг интимно-желтые ток-шоу пойдут в духе Первого, то суровая криминальная пошлятина в духе НТВ, то мелькнет развязная молодежная околесица почти как на ТНТ. А тем временем пятимиллионный город Петер-

бург живет без городского телевидения. Кроме «Диалогов с городом» В.И. Матвиенко по Пятому, никаких более общественно значимых для Питера передач в формате общегородского приема нет. Люди очень мало знают о реально происходящем в городе...

В чем же специалитет этого канала? Какая в нем нужда? Зачем оно понадобилось вообще? Неужели для того, чтобы разрушить информационное пространство Петербурга? Чтобы негде и некому было задавать слишком опасные вопросы?

В связи с необыкновенным расширением Пятого канала (который, по опубликованным данным «Гэллапа», в родном городе потерял даже и прежние позиции 6–7% доли, а для людей до 30 лет этого ТВ практически не существует) встает множество вопросов, и вот три главных из них.

Первый. Откуда взялись и для чего были истрачены миллионы евро, пущенные на обновление городского вещания, которое в рекордные сроки перестало быть городским? Не получилось ли так, что налогоплательщики Питера из своего кармана оплатили... отсутствие городского телевидения?

Второй. Где находятся архивы Ленинградского телевидения – спектакли, концерты, передачи, интервью за сорок-пятьдесят лет? Кому они теперь принадлежат, кто ими занимается, в каком они состоянии? Это, извините, не мелочь – это история города за полвека. На каком основании она должна принадлежать каналу, для которого интересы города никак не могут быть на первом месте в связи с безоста-

новочным марш-броском в космос и его окрестности?

Третий. «Придет, придет ли времечко – приди, приди, желанное!», когда руководить громадным эфирным пространством Пятого канала поручат более компетентным людям?

2007

Веселые огонечки, маленькие радости

В мемуарах выдающегося литературоведа, автора феноменальной книги «Записки блокадного человека» Лидии Гинзбург я нашла забавный рассказец. Дело было в конце тридцатых годов XX века. Разгул террора, вырождающаяся под грузом ужаса интеллигенция, трудный хамский быт. Сидит Гинзбург в столовой Дома писателя и разговаривает с драматургом Евгением Шварцем, остроумнейшим человеком. Он и говорит ей: «Нет, все-таки в жизни есть свои маленькие радости. Вот вчера что-то в глаз попало, полчаса не мог вынуть, а когда вынул – так полегчало! Сегодня, опять же, подавился... Потом так стало хорошо...»

Вот и я выползла на улицу, ковыляю по центру и думаю: что же это мне не то чтобы хорошо, а как-то... менее противно. И вдруг осенило – так сняли наконец это жуткое новогоднее освещение! Нет больше синих деревьев, красных волн, фиолетовых звезд, зеленых месяцев и прочих нечеловеческих красот, олицетворявших, наверное, мечту о прекрасном кассирши со станции Хацапетовка. Из рассеявшихся кошмаров диких «веселых огонечков» стал проступать бедный, усталый, задолбанный отбойными молотками, старый благородный Петербург.

Самое удивительное, что в Москве, которую по инерции

считают безвкусной, вульгарной, пошлой, оформленной в стиле тех, кто «понаехали тут», ничего подобного нашему новогоднему китчу не наблюдалось. Видела своими глазами. Улицы и проспекты перетянули двухцветными гирляндами с белыми и сизо-голубыми лампочками. Никаких кричащих цветов, никаких радужных электрических фонтанов – «чупа-чупсов», а уж тем более сочетания зеленого с красным и синим, за которое оформителей надо отдавать в эстетический суд, не было. Даже в купеческой бесшабашной Москве понимают, что улицы и так перегружены кричащей рекламой и вывесками, так что, если подпустить к безобразиям частного сектора еще и государственной безвкусицы, наши мегаполисы окончательно превратятся в электрический ад.

Да что там огонечки – в Москве сохранили Елисеевский магазин! Так и стоит, голубчик, на своем законном месте, на Тверской, и там – удивительное дело – продовольствие продают гражданам и кое-какой прежний дизайн остался. А у нас, как водится, перманентная революция, и нам Елисеевский без надобности. Стоит разоренный, с пустыми витринами. Что там будет, какая никому не нужная, сияющая огонечками туфта? И где хранится заветная Красная книга Петербурга, в которую, как помню, В.И. Матвиенко предлагала вписать священные для жителей заведения, которые администрация не будет перепрофилировать никогда, никогда? Что в ней написано? (Кстати, становится все труднее понять, где эти оставшиеся в живых злосчастные – то есть жители

безнадежно исторического центра – добывают себе пищу, если ни на Невском, ни на Литейном, ни на Владимирском, ни на... впишите сами вашу улицу... нет нормальных продовольственных магазинов.)

Пойдем дальше удивляться. Юрий Лужков, в своем безостановочном движении к сонму ангелов, заявил, что, несмотря ни на какие «театральные реформы», в Его городе ни один театр не закроется. А свои слова мэр Москвы обычно держит. Тоже вот пустычок, а приятно – хоть театры будут на своих местах. И пусть качество театрального товара часто оставляет желать лучшего, все-таки, если театры сохранятся как факт наличной материи, будет какой-то шанс на их улучшение с точки зрения идеала. Тогда как в случае уничтожения репертуарных театров улучшать их станет очень затруднительно. Реакция же властей нашего города на первые звуки «театральной реформы» (суть ее не берусь даже излагать, настолько она непродуманна и бессмысленна) внушает неотвязную тревогу. По-моему, администрация просто не в курсе дела. Тем более что ее основные представители мало замечены в посещении каких бы то ни было культурных мероприятий вообще. Даже на фигурное катание не ходят. Какие уж тут театры...

Да, классическое противопоставление Москвы и Петербурга надо пересматривать каждые пять лет как минимум. Сама-то противоположность остается. Но ее наполнение постоянно меняется. Сегодня можно с некоторой осторожно-

стью сказать, что столица становится более вменяемой, а ее власти – более «культурообразными», насколько это, конечно, возможно в данных исторических обстоятельствах.

Вменяемость же Петербурга под вопросом. Вроде бы принимаются – всегда с опозданием, медленно, как во сне – верные решения, но выполняются они плохо, если выполняются вообще. А время идет, уходит наше милое обывательское время, молодые становятся зрелыми, а зрелые пожилыми, а жизнь так и остается неудобной, запутанной, нечистой, неправдивой, некрасивой. Пока что мало построено нужного. Все только разрушено и на скорую руку переделано. И закутано в яркие огонечки, которые, видимо, должны ослепить своим веселым сиянием и заставить забыть про постоянную грязь на тротуарах, про забитые мусором баки, которые так неохотно вывозят, про плачевный вид всех казенных мест, от больниц и поликлиник до паспортных столов и соборов, про бегство всех энергичных людей подальше от питерского болота, где умом денег не заработаешь, про хроническое разгильдяйство, уныние и особенную психическую лентаргию, которая настигает уже почти каждого питерца старше сорока лет.

В новогоднем освещении Петербург напоминал опустившуюся пожилую женщину с немойшей шеей, которая надела для украшения несколько ниток елочных бус. Когда бусы сняли, сумашайка чище не стала, но хоть исчезло ощущение нелепости и тоски. И вот вам маленькая радость вашего

утомленного публициста: как Шварц вынул соринку из глаза и развеселился, так и я счастлива, что из города убрался разноцветный электрический мусор.

Теперь вот хочу объявить конкурс: десять самых бездарных вывесок Петербурга. Присылайте заявки – жду. Может, получится убрать хоть пару-тройку безобразий? Вот и опять будет нам маленькая радость!

2008

Досуг для Бабосюк

Я остановилась, пораженная. С плаката на шумную толпу, загадочно улыбаясь, смотрела женщина несказанной красоты. Это была та самая женщина, ради которой существует мир – этот дивный мир человеческой предприимчивости, создавший краску для волос, вениры для зубов, тушь для ресниц и блеск для губ. Казалось, такая женщина должна вечно полулежать на тигровой шкуре, созерцая ирисы и олеандры и слушая шум моря, смешанный с песнопениями в ее честь.

Подпись на плакате, однако, возвещала иное. «Антонина Бабосюк, вице-президент ювелирного холдинга „Алтын“ и генеральный директор сети супермаркетов „Алтын-Золото“». Чудесная блондинка, чьи плакаты заполонили Петербург, оказалась не рядовым потребителем, а выдающимся производителем мира счастья и красоты. Неустанно трудясь, Антонина Бабосюк, член партии «Единая Россия», стала не просто президентом и директором, она удостоена невероятного количества орденов и наград, среди которых орден «Гордость России» и ордена Екатерины Великой, причем трех степеней. Всех трех степеней! Да что там, перечисление наград и званий Антонины Бабосюк заняло бы добрую половину нашей газеты...

И я встревожилась. Может статься, великая Антонина Бабосюк вдруг посетит наш город, как говорится, в реале. А

чем мы, спрашивается, встретим Антонину Бабосюк и ее орден? В силах ли мы подобрать для нее грамотную культурную программу? Есть ли у нас в Петербурге хоть что-нибудь не то чтобы равновеликое – об этом и мечтать не приходится, – но хотя бы достойное снисходительного взгляда управительницы «Алтын-Золото»?

Да! Я гарантирую вполне приличную культурную программу для Антонины Бабосюк. Надо только прислушаться к моим советам – они не выдуманы на ровном месте, а буквально выстраданы мной в ходе встреч с жизнью.

Итак, досуг для Антонины Бабосюк – программа рассчитана на три дня.

День первый. Посещение Театра балета Константина Тачкина.

Плакаты, возвещающие зрителю о существовании балета Константина Тачкина, висят там же, где и Антонина Бабосюк, – в метро. Это частный театр классического репертуара. Он проводит творческую жизнь на зарубежных гастролях и неукоснительно привозит кипу восторженных отзывов из ЮАР и Новой Зеландии – из мест, где, как всем известно, живут самые большие знатоки русского балета.

Но его можно словить и в Питере. У театра Константина Тачкина есть, правда, одна странность – ни в одном анонсе, ни в одном интервью вы не узнаете, чья, собственно, хореография используется на сцене. Неужели этот загадочный театр как-то успел в бурях времени приватизировать всю клас-

сическую хореографию, от Петипа до Виноградова и Григоровича? И теперь, сильно сэкономив на балетмейстерах и удачно прильнув к золотоносному словочетанию «русский классический балет», гордится тем, что не получает ни рубля от государства и спонсоров, но все зарабатывает сам. Судя по всему, балет Константина Тачкина будет отличным подарком для Антонины Бабосюк.

День второй. Визит в частную художественную галерею Ивана Славинского.

Галерея И. Славинского расположена в начале Шестой линии Васильевского острова. Это несколько маленьких залов, знакомящих публику с живописью владельца галереи. Крики отдельных отщепенцев о том, что И. Славинский бездарь и дилетант, можно отнести как абсолютно бездоказательные и праздные. Отсутствие таланта законодательно не является препятствием для занятия искусством. Любой человек вправе писать картины и выставлять их на всеобщее обозрение. Кроме того, у Ивана Славинского есть прекрасное качество, чем-то роднящее его с Антониной Бабосюк, – он исключительно деятельная натура. Эта натура постоянно выплескивается за пределы галереи – а за пределами галереи расположена проезжая часть Шестой линии. На ней неутомимый автор-исполнитель собственной живописи недавно построил шатер, и целых два дня (6 и 7 июля) движение было закрыто, а из шатров слышались пиршественные крики и возгласы торжества.

Некоторые озлобленные жители, именующие Славинского «несчастьем Шестой линии», пробовали было возмущаться тем, что капризы владельца частной галереи оказываются сильнее закона и пляски дилетанта занимают проезжую часть, которую, как мы знаем, нельзя перегораживать отдельным лицам. Однако при попытках навести справки у сотрудников милиции и автоинспекции, наблюдавших за происходящим (видимо, в отсутствие более важных дел в городе), оные лица указывали пальцем наверх. Откуда пришло, как можно предположить, разрешение использовать проезжую часть в качестве филиала художественной галереи героического Ивана-живописца, чья любовь к искусству не знает преград.

Живопись Ивана Славинского я уверенно рекомендую для Антонины Бабосюк.

День третий. Прослушивание музыки Василия Шишкина. Имя Василия Шишкина тоже взято мною из недр метрополитена, этого рассадника народного образования. «Для тех, кто понимает!» – уверяет плакат, рекламирующий этого доселе неведомого мне композитора, автора, однако же, многочисленных альбомов. Меня лично заинтриговал альбом «Темная сторона души». Я чувствую – там бездны, основанные на личном опыте. Ведь согласитесь, используя светлые стороны души, может ли в наше время композитор наскрести бабла на рекламные щиты в метро? Подозреваю, что мятущаяся натура Василия Шишкина может заинтересовать

Антонину Бабосюк.

Но скорее всего, старания мои напрасны.

Скорее всего, Константин Тачкин, Иван Славинский, Василий Шишкин и Антонина Бабосюк совершенно не нуждаются в моем посредничестве. Они отлично знакомы – они участники одной и той же экспедиции, члены единой команды, бодро и дружно выполняющей порученное задание и преданно служащей общему делу.

Может быть, это строители нового мира? И в этом мире то, что считалось когда-то пороком – например, патологическое самодовольство, вульгарная нескромность и глупая самовлюбленность, – стало добродетелью?

«Кто знает, дорогой Ватсон, кто знает...» – как говаривал незабвенный Шерлок Холмс...

Кодекс жлобства

Вниманию почтенных горожан предлагается составленный на досуге «Кодекс жлобства» – то есть краткий перечень явлений нашей общей жизни, которые, по мнению автора, подпадают под это звучное и емкое определение.

Жлобство автор трактует как вульгарное, плебейское пренебрежение разумными правилами общежития, тупой уродливый эгоцентризм бескультурного, бестактного поведения.

Автор только начинает исследование этой захватывающей и практически неисчерпаемой области – русского жлобства, – а потому предлагает всем желающим расширять и дополнять пока что скромный список.

Итак, жлобство – это:

1. Езда на автомобилях-внедорожниках по городу

Как известно, автомобили-внедорожники, предназначенные для передвижения в условиях отсутствия дорог, выполняют в России непредусмотренную компенсаторную функцию. Они замещают у водителей-мужчин все психические и физиологические изъяны. Самый плюгавый мужичонка, взгромоздясь на танкообразное чудище, чувствует себя Победителем Вселенной и гордо чешет из офиса в супермаркет. Внедорожники – главные источники опасности на городских дорогах. По многолетним наблюдениям, чудовища почти ни-

когда не тормозят на пешеходных переходах и часто ведут себя с исключительной наглостью. Поскольку воспитание закомплексованных мужчин – удел слишком уж светлого будущего, езда на внедорожниках в городе должна быть разумно ограничена и в идеале упразднена. Хорошо бы по доброй воле, но если ее нет, то закон такой: приехал из пересеченной местности – оставляй свой танк на стоянке у городской черты.

2. Обведение дачного участка сплошной оградой выше человеческого роста

Сплошная, без просветов, ограда – свидетельство повышенной агрессии владельца участка. Зачем он отгораживается, а? что скрывает? У нас что, средние века? Может, еще рвы начнем рыть с подвесными мостами? В культурных поселениях таких безобразий нет и быть не может. Там в ходу чудесная вещь – живая изгородь из декоративных кустарников. Ладно, можно, отдавая дань традиции, строить деревянные заборы с калитками или протянуть сетку, по которой тоже лучше пустить растения. Но сплошная ограда метра в два вышиной – чистое жлобство. За такими стенами хорошо спиваться и домашних бить – никому не видать.

3. Использование в рекламе и вывесках красного и желтого цвета одновременно

Нужно вовсе не понимать и не чувствовать Петербурга,

чтобы навешивать на своем магазинчике красный лоскут с желтыми буквами (или желтый лоскут с красными буквами), а ведь этот цветовой разбой, эта дурновкусица заполонила город! Если кто-то собирается спорить с автором по этому вопросу, то автор по этому вопросу спорить не собирается. Северный город на воде, когда-то сохранявший благороднейшую цветовую гамму, даже при советской власти не был так эстетически испоганен, как сейчас, ибо Софья Власьевна рисовала свои марсианские лозунги белым по кумачу, а не желтым по красному. Более жлобского и плебейского сочетания цветов на северах еще не бывало.

4. Уничтожение экологически чистого транспорта – трамвая

Убили, погубили ленинградский трамвай! Прекрасный, удобный, чистейший вид транспорта. Вместо того чтобы улучшить и модернизировать – выкорчевали почти вчистую. Господа, автор недавно был в городе Цюрихе, богатейшем городе мира, где в подвалах хранятся не востребованные вклады, сравнимые с бюджетом России за сто лет. Так вот, в Цюрихе быстро, красиво и бесшумно ходит трамвай, да не один, много маршрутов, тихо, элегантно ходит, не чадит, пробок не создает, трясения мостовых не производит. Ради чего погубили трамвай в Петербурге? Ради того, чтобы самодовольные нувориши невозбранно уютжили город на внедорожниках? Ради того, чтобы расплодить вонючие марш-

рутки, ведомые приезжими, искренне недоумевающими при словах «остановите возле Елисеевского»? А потом с этими же маршрутками, хоть как-то решающими проблемы передвижения людей, бороться теми же жлобскими методами, что и с трамваями?

Сносить, уничтожать, искоренять – жлобство. Улучшать, развивать, способствовать – стратегия разума.

5. Покупать квартиры в новодельных зданиях, построенных в историческом центре в результате уплотнительной застройки или сноса старого дома

Конечно, мы этого никому запретить не можем – пользоваться плодами великого эстетического преступления XXI века, то есть уничтожения исторического центра Санкт-Петербурга. Но уж и нам не запретишь думать про тех, кто покупает эти квартиры, то, что мы думаем, идя мимо этих мертвых бездарных фасадов.

6. Начинать ремонт главных дорог, памятников архитектуры и железнодорожных платформ в разгар туристического и дачного сезона

Нужны ли комментарии, друзья петербуржцы? Кто видел Петропавловку в июне и Невский в июле, тот не скоро это забудет. Какая египетская сила помешала провести работы в марте, в апреле, ведь зимы практически не было? Когда начальство РЖД очнется от подсчета доходов и перестанет из-

деваться над людьми, фатально меняя платформы и рельсы летом? Вообще, в этом городе когда-нибудь хоть переночует разум?

7. Разрешать гражданам безнаказанно мусорить в городе и окрестностях

Всякий человек есть потенциальный гад и вредитель. Оставлять за собой горы мусора – это не жлобство, а искреннее выражение мерзопакостной сущности массового человека. А жлобством является оставление оной искренности без всяких последствий. Дескать, наше дело сторона. Между тем каждый сознательный гражданин может принять посильное участие в обуздании несознательных гадов. Даже простое увещевание («Что ж вы, падлы, бутылку-то в воду бросили, может, вам ручки-то обломать?») приносит хорошие результаты.

8. Носиться на катерах и водных лыжах в зоне купания отдельных граждан

Кстати сказать, этот вид жлобства граничит уже с уголовщиной, потому что уроды, рассекающие озерную гладь в опасной близости от купающихся, чаще всего еще и зенки залили с утра, так что запросто могут черепушку снести. Да не себе, это бы сколько угодно, а мирному купальщику. Подозреваю, кстати, что носящиеся по воде на своих «перделках» по суше передвигаются исключительно на внедорожни-

ках.

И не они ли обводят дома сплошными заборами, и не они ли заселяют новодельные дома?

Не вырисовывается ли из моего эскиза очевидный портрет нашего жлоба?

И не видите ли вы его каждый день?

Очень надеюсь, что не в зеркале!

2008

Остров лысых

Тема, конечно, деликатная. И никого обижать не хочется. В конце концов, люди не виноваты.

Но с другой стороны – у нас что ни тронь, все деликатно. И если люди не виноваты, то кто, спрашивается, виноват? Улитки?

Вот, например, сидит почтенный с виду человек, справляет 95-летний юбилей – так много ли найдется желающих сказать ему: сволочь ты беспросветная, дрянь и христопродавец! Как тебя только, иуду, земля-то носит! То есть желающих, возможно, будет много, но толку от этого мало – никто не скажет, потому что неудобно. Согласитесь, если христопродавец дотянул до 95 лет и, вместо того чтобы повеситься на осине, процветает, это как-то усложняет впечатление.

Ведь грубить – свойство молодости. Когда-то мир был молод, там жили молодые волосатые пижоны (даже мюзикл такой был – «Волосы»), их звали в одних странах хиппи, в других еще как-то, они были против войны, политики, занудства, богатства, против своих папаш-фашистов, за мир, любовь и вольную жизнь на природе.

Мир перестал быть молодым давно, в 70-е годы. Сначала исчезли веселые и волосатые. Потом куда-то подевался космос. (Книжки про путешествия на другие планеты пропали вообще!) Потом замолкла всякая критика папаш-фаши-

стов. Потом тема будущего вообще стала просто неприличной, необсуждаемой. У нас в России последний выплеск молодости мира запоздало сверкнул в середине 80-х годов, вместе с «красной волной» русского рока и бурями перестроечной публицистики.

И – надорвалось, оборвалось, смолкло. Изо всех щелей поползли не волосатые, а чисто лысые – и культура так же, как весь мир, стала старообразной, угрюмой, корыстной.

Наша культура особенно.

В ней главное – как-то проскрипеть и нарисоваться до 50 лет. Хоть какой-то багаж накопить по прославлению фамилии. После этого уже ничего делать не обязательно – каждые пять лет можно отмечать юбилей, чем все наши деятели культуры и занимаются. В отличие от других стран юбилеи наших мастеров искусств не камерное и келейное дело, а всенародное событие. Это затейливый и громоздкий ритуал со статьями в газетах, сюжетами в новостях и передачами по телевизору. Каждый день кому-то 50, 55, 60, 65, 70, 75, 80, 85, 90, 95... Надо говорить речи, прославлять, трезвонить, провозглашать, молотить языком, источать мед и патоку – а как же! Юбилей!

Но почему мастерам искусств такая привилегия перед всеми? Отчего цифры, обозначающие продолжительность их жизни, должны сопровождаться всенародным колокольным перезвоном и медовыми речами? Почему с унылой регулярностью несчастные журналисты обязаны сочинять ста-

ты «к датам»?

Я не знаю. Но растет ощущение скучного, дико старого, зарегламентированного мира, где остались одни ритуалы и церемонии. И эти ритуалы-церемонии растут и развиваются уже как-то сами по себе, по своим законам, вне связи с миром подвижных живых смыслов. Некоторые юбилеи уже не умещаются в рамки одного дня – они ширятся, как скисшее тесто, вылезают, заполняя собой пространство. Кроме того, юбилеи у нас любят отмечать не только живые организмы, но и целые коллективы – театры, студии, газеты. Точно мы в какой-то огромной общей тюрьме живем, где так важен каждый год, где нет событий, кроме хода времени. Неловко, неприлично напоминать, что в живом свободном мире важно, что ты сделал, а не сколько тебе лет при этом исполнилось. Рост юбилеев явно сигнализирует об омертвлении тканей культуры, тем более что юбилейные даты принято насчитывать «от века» (четверть века, полвека, три четверти века и век), а у нас юбилейный трезвон поднимается каждые пять лет!

Ощущение старого-престарого мира подкрепляется еще и загадочным ростом числа лысых актеров в кино и на ТВ. Раньше такого не было.

Совсем в старину факт облысения тщательно скрывали, носили парички. В повести Достоевского «Дядюшкин сон» престарелый дядюшка больше всего на свете боится, что мир узнает его маленькую тайну – накладные волосы. Парики и

накладки были в большом ходу, облысения стыдились, оно строго ассоциировалось с пожилым возрастом.

Лысый молодой человек был тогда явной редкостью. Чтобы он проник в искусство – на сцену, на экран – такое даже не обсуждалось. Затем, в советские времена, лысинка, как знак божественной привилегии, полагалась в кино только исполнителям роли В.И. Ленина да еще разве Евгению Леонову. Ну, Михаилу Козакову в ролях злодеев иногда разрешали. Но лысый молодой герой – это было абсолютно исключено.

Однако теперь у нас молодой и притом лысый – это в жизни сплошь и рядом. То ли Чернобыль даром не прошел, то ли мода такая. Цензуры по этой части нет, худсоветов нет, редакторов нет – вот и дошли до того, что в сериалах по четыре-пять лысых скапливается за серию! Сама видела однажды (то было в ТВ-сериале «Кулагин и партнеры») – расследователь лысый, подозреваемый лысый, и свидетель тоже лысый!

Одно дело талант вроде Виктора Сухорукова, ему все можно. А другое дело – обычный, рядовой поток лиц, заполняющий, так сказать, будни нашей визуальности. Обилие лысых все-таки придает этим будням какой-то престарелый нездоровый оттенок.

Очень уж унылый вид получается у нашей культуры в целом. Это выходит какой-то остров лысых, на котором бесконечно отмечают юбилеи. Уже как-то подзабыто, что искусство – дело веселое, озорное, радостное. Какая там радость!

Все сидят в президиумах, делают торжественные лица, го-

воят «я убежден» и «позвольте в этот день...»

О, тоска! Хочется взять крепкую метлу и вымести к чертям этот церемонный престарелый бессмысленный мир – мир тошнотворных лысых юбилеев. Чтобы живые люди и хорошие дела просто – были. Без всяких обязательных к юбилейству пятерок и нулей в числах своей жизни.

Нет денег – нет родины

Один мой знакомый поехал в Финляндию на своей машине. На границе пограничник спросил его о цели визита. «Отдохнуть», – простодушно отозвался тот.

Легкая, как летнее облачко, тень презрения прошла по лицу пограничника. Представитель любой другой нации промолчал бы. Но это был наш человек. Поэтому он не мог не поделиться с другим нашим человеком известной ему государственной тайной. «А вот у кого деньги есть, – сказал он нравоучительно, – те ЗДЕСЬ могут отдохнуть!»

И в самом деле – это лет пятнадцать назад те, кто ехал проводить время за границу, считались богатеями, а остальные злобно шептали вслед – ничего, ничего, гуляйте там в своих Шарм-эль-шейхах, а мы и дома... Нынче картина прямо противоположная. За границу как раз едут босяки, голь перекатная, те, кто денежки на ладони считает. Бедные люди едут в иностранщину, потому что не-родная жизнь уже в два-три-пять раз дешевле, чем родная. Там, вдали, можно схватить неделю полноценного отдыха с морем за каких-нибудь пятьсот условных единиц, и это с проживанием и самолетом в оба конца.

На родине такой фокус не пройдет. На родине новый этап строительства новой жизни в разгаре. Это раньше в ресторанах сидели бандиты, теперь – прорабы, это раньше убивали

– теперь грабят.

Теперь значительно лучше. Только надо согласиться на грабеж. Тогда вам удастся сильно и крепко отдохнуть на родине.

Я говорю ответственно, как человек, которому удалось прожить в городе Сочи целых пять дней (занесло на кинофестиваль), а это мало кому из моих читателей по карману. Описываю меню не самого дорогого ресторанчика на набережной: «барабулька жареная черноморская – 500 рублей за 100 граммов, каре из телятины – 340 рублей за 100 граммов, форель жареная – 250 рублей за 100 граммов, (самое дешевое блюдо) курица жареная – 150 рублей за 100 граммов». Номера в гостинице от 1500 рублей за сутки самый облезлый. Билет на самолет до Сочи – около семи тысяч рублей в один конец. Ну, считайте сами, во что вам обойдется посмотреть этот памятник русскому бескультурью – г. Сочи.

Попса гремит по всему побережью до трех-четырех часов ночи. Общественные клозеты без унитазов, сидеть надобно орлами. Пробки на дорогах – никуда днем не доехать. Все в угаре и экстазе делания денег из воздуха и воды, поэтому обычные человекообразные мотивы поведения давно в г. Сочи закончились. Море никто не чистит от дохлых медуз, за пляжами не следят, не налажены даже спуски к морю, и люди, поев золотой барабульки (мелкой рыбки типа корюшки), с трудом сползают в воду с грязных и страшных волнорезов. Кругом расхаживают враскоряку мужские гориллы

с затылками, переходящими в шеи без изгибов. Мат-перемат, гогот, брань, крики, дешевая музыка. В общем, ужасный, грубый, бесконечно вульгарный, бесконечно плебейский мир откровенного грабежа человека человеком.

И это здесь будет Олимпиада? С таким уровнем сервиса, с таким отношением к людям, как к баранам, которых надо страстно и быстро стричь? С барабулькой по 500 рублей за 100 граммов (пять рублей грамм!!!), дороже сибаса и дорады? И эта музыка про «Моня не гордый, Моня пьет на свои» будет ласкать слух наших зарубежных гостей? Да здесь человеческая культура вообще даже не ночевала ни на одном этаже их диких гостиниц. Я понимаю, что у могучей, единой газпромовской России хватит бабла эвакуировать куда подальше – на время Олимпиады – всю обслугу г. Сочи, но они же потом все равно вернутся, и все пойдет сначала.

И вот люди в тоске начинают прикидывать: квартирka на Сицилии или в Болгарии – 60–80 тысяч условных единиц, а дома за такую цену комнаты приличной не найдешь.

Купить на рынке свежей, вкусной еды на неделю – в Черногории или Чехии пятидесяти евро за глаза и за уши хватит...

Очень уж дорого родина обходится тому, кто решил на ней жить. Это решение приходится оплачивать и оплачивать, снова и снова, и тарифы все время возрастают. А если человеку недостаточно быть просто жующим обывателем и он захочет влиять на жизнь общества, на то, чтобы граждане мог-

ли улучшать ситуацию или хотя бы ее обсуждать, он получит по полной программе.

Получили же свое защитники Санкт-Петербурга от губернатора. Вообще-то тех, кто стремится уберечь красоту города, надо холить и лелеять, поощрять всячески – это беспокойные, честные люди, которым небезразличны общие проблемы, которые видят и чувствуют дальше своего носа. Они искренне волнуются, хотят предотвратить уничтожение Петербурга тупыми жадными рептилиями – но вместо того, чтобы поблагодарить и внимательно выслушать, этих честных людей еще и клеймят, их же еще и обзывают! Бесстыдство какое!

Так что смысл проживания по месту прописки становится не вполне очевиден. Если у человека есть совесть, есть желание поработать на общее благо – он, бедолага, намается. Он только будет мешать разбою и путаться под ногами у грабителей. Но и мирному обывателю нет расчета переплачивать за жизнь втридорога. Ему гораздо выгоднее сдать имеющееся жилье и отбыть туда, где жить легко и дешево и никто в душу не плюет. Он, конечно, там никому не нужен. А здесь, что ли, он кому-то нужен? Людей, отбывающих за границу на временное и постоянное проживание, оттого что родина не по карману, становится все больше. «Отцы», которые сейчас рулят у кормила и которые несут полную ответственность за эту хамскую разбойничью жизнь, рискуют потерять значительную часть населения. Интересно, понимают ли они, во

что они превратили родину? Ведь она обратилась в какое-то подобие бесстыжей гостиничной девки, устройство и поведение которой ни для кого не составляет тайны.

Есть деньги – есть родина, нет денег – нет родины.

2008

Проект «Анафема»

Все возвышенное на этом свете неожиданно, все низменное закономерно. Вот точно и в самом деле, как утверждал Достоевский, как-то вдруг залетели в нашу земную навозную кучу несколько семян из иных миров. Коли сильно повезет, что-то из урожая этих потусторонних семян можно встретить на жизненном пути.

Но что делать, если иной человек в самом себе чувствует необычайные, может, и «не от мира сего» силы? Имеет ли он право их использовать для собственной выгоды или, напротив, бескорыстно, в борьбе со тьмой? Будет ли за это расплата? Где свод законов на эту тему, который можно полистать на досуге?

Я ведь это не просто так говорю. Я серьезно обдумываю одну темку. Один, так сказать, «проект».

Скажем, купила я тут масло подсолнечное, которое нынче вместо сорока рублей стоит сто десять. Поехала в Москву на ночном поезде, что обошлось мне гораздо дороже, чем если бы я поехала в Берлин (может, думаю, в самом деле найти работку в Берлине? Дорога, во всяком случае, обойдется дешевле – что на самолете, что на поезде). Заглянула с ужасом в бюллетень недвижимости, из которого было понятно, что даже мне, крепкому среднему классу, не купить уже ничего и никогда, а что делать молодежи, я не представляю. Людей

буквально придавливают материальными проблемами...

Или вот такая история: приехала ко мне приятельница, которая двадцать лет не была в Петербурге. Вышли утром мы из «Астории» на берег Мойки. А там, в полном соответствии с известным каламбуром, помойка. Горы бутылок, оберток, окурков – сюрреалистический кошмар. И так на каждом шагу в «историческом центре». Приятельница, ничего не понимая, стала кричать: что это? что это? это разве можно так в Петербурге? А я горю от стыда и сделать ничего не могу.

Понимаете, какое несчастье? Я ничего не могу изменить. Слишком многие люди, распоряжающиеся жизнью на моей родине, буквально одурели от сверхприбылей и видят во всем только источник дохода. Выгодно сносить Петербург – Петербург сносят, а то, что при этом о городе и его жителях еще надо бы как-то заботиться, уже никого не волнует. Надо верхушке Министерства путей сообщения поддерживать определенный уровень жизни (в Европе так не живут их смиренные короли, как живет верхушка МПС) – и оно будет это делать, доводя цены на муравьиную тропу «С.-Петербург-Москва» до полного абсурда. Ведь уже дешевле слетать в Париж и обратно, чем прокатиться на все том же ночном поезде. Где ничего при этом не изменилось в лучшую сторону, а в качестве знамения новых времен добавлены только идиотские «бесплатные» журналы, которые несчастный пассажир уже щедро оплатил из своего кармана, покупая билет. И это еще пустячок. Ради выгоды нынешнее зверье ни перед

чем не остановится, вымаривая нерентабельное и ненужное население...

Правды нет, но и настоящей красоте объявлена война. Хожу по своему несчастному городу... Всюду его тело мучают отбойными молотками явно приезжие люди, которым вообще неизвестно, где они находятся и какое преступление совершают. К началу туристического сезона ничего не готово – взрыта даже Петропавловка. Застроены уже все скверы на Большом проспекте Петроградской стороны. Что делать! Что делать!

И вдруг мне в голову приходит интересная мысль. Да, думаю я, у меня ничего нет. Ни власти, ни денег, ни рычагов влияния... Но слово-то у меня есть! А что, если я... их прокляну? Эдак по-доброму, в библейском стиле?

Возьму, встану в урочный час где-нибудь в заветном месте и скажу: «Вы, гоблины, уроды, враги людей, лживые корыстные твари! Вы, кто уничтожает Петербург, кто превращает Россию в колонию нефтяных паразитов! Проклинаю вас от макушки до кончиков ногтей, проклинаю и сердце ваше, и легкие, и печень, и кровь, и кожу, проклинаю всю вашу требуху, проклинаю вас самих и детей ваших и внуков ваших, пусть не будет вам ни счастья, ни радости, ни здоровья, пусть отсохнут руки тех, кто сносит священные камни Петербурга, пусть отнимутся ноги у тех, кто вырубает деревья Петербурга! Пусть не будет пути всем делам их! Анафема! Анафема! Анафема! Святой Петр, ударь в своем великом гневе

по виновным, испепели их, утешь нас, несчастных, бессильно плачущих! Защити, отец...» И тут надо какой-то эффектный жест сделать, руками и корпусом. В стиле хореографии Бориса Эйфмана...

Не подумайте, что я приписываю себе полномочия церкви – «анафема» взята тут не как известный ритуал, а как красивое и звучное греческое слово. Можно и без него обойтись, не в том суть. А в том, что проклятие, сказанное бескорыстно, от души, тем, кто не лгал, не использовал Слово, а служил Ему преданно долгие годы, может дойти до самого Главного управления исполнения наказаний и сбыться. В холодном, переведенном на цифру, мерзком мире, где живут уже не Божьи люди, с душой, с умом, а какие-то материальные носители числа своего дохода, раскаленное настоящим гневом и настоящей ненавистью Слово – живущее по законам другого мира – будет иметь реальную силу!

Есть, правда, мнение, что проклинать опасно – зло, которое ты причинил, вернется к тебе же. Возможно, это верно, если человек делает проклятие с целью личной мести или корысти. Но у меня такой цели нет. Я собираюсь проклинать бескорыстно, «от имени и по поручению»...

Так или иначе, я совершенно успокоилась, осознав, что и у меня, бедной крошки, есть могучий рычаг управления действительностью. Теперь, когда вижу беззаконие, ложь и мерзость, я с некоторым облегчением думаю – да прокляну я их, и все дела. У вас за душой лишь ваши награбленные

милльены – а у меня «проект» покруче.

У меня – анафема!

Как Новая Россия снесла Новую Голландию

А как Новая Россия снесла Новую Голландию?

Да так. Взяла и снесла. Была Новая Голландия – и нет Новой Голландии.

Вы о чем?

Я о Петербурге.

Сносят Петербург. Вы разве не знаете?

Тот самый старинный Петербург, с пустынными площадями, заброшенными поэтическими уголками и разными живописными руинами. Его сносят. Эстетическим консерваторам не договориться ни о чем с пришедшими к власти циничными прагматиками, да никто и не собирается договариваться: площади будут застроены, уголки – расчищены, руины – оборудованы по последнему слову техники. Холодными, ни о чем не помнящими руками все будет потрогано, проверено «на зубок» насчет прибыли. Все будет крутиться и сиять евростандартом.

Это называется «реконструкция», «развитие». «Петербург должен развиваться», – говорят административные люди и моргают. Петербург им задолжал, понимаете. А получают они свой должок на пластические операции да на спокойную старость – и поминай потом, как звали.

Да помянем, можете не беспокоиться, зловеще cedят эс-

тетические консерваторы: всех и каждого помянем, и тех, кто «проектировал», и тех, кто разрешил сносить, и тех, кто за бульдозером сидел, и тех, кто это заказывал. Список преступлений будет составлен. Игривая идея посетила одного: он предложил на территории Новой Голландии оставить Морскую тюрьму – переоборудовав ее для тех, кто участвовал в уничтожении Петербурга. Но это уж им не по чину, вообще-то. В Адмиралтейском-то районе сидеть! Саблинской зоны хватит, заметили на это другие.

На одном из городских форумов, среди подобных, ленивых и зубоскальных, реплик питерских аборигенов, вдруг раздался вопль некоего «Алексея из Екатеринбурга»: да вы что, ребята, петербуржцы, опомнитесь! Я был в городе, видел этот чудный таинственный остров, как вы позволили его уничтожить, вы от фашистов город отстояли, а теперь что делаете! Никто ему не ответил.

Что отвечать-то? От фашистов отстояли, так они враги. Они город бомбили, и от этого зияли пустоты. А лорд Фостер и г-н Шалва Чигиринский (совладелец компании «СТ Новая Голландия», проводящей «реконструкцию») – это разве враги? Действительно, и от их деятельности и деятельности им подобных в городе зияют пустоты, и вроде даже их больше, чем от фашистских бомбежек, так разве можно сравнивать! Это же совсем другое дело. Это «развитие».

Лорд Фостер ведь два месяца не спал, создавая свой проект «новой Голландии», – так пишет пресса. Мы ж понима-

ем, что человек два месяца не спит, если только он принимает определенные препараты, так как мы можем сражаться с галлюцинациями лорда? Мы их будем воплощать в жизнь...

Итак: с XVIII века стоял искусственный, руками человека сделанный остров, военно-морской порт, окруженный Мойкой, Крюковым и Адмиралтейским каналами, из красного кирпича по преимуществу, с величественной, бесконечно прекрасной аркой Валлен-Деламота. Исстари этим островом распоряжались военные. Что там внутри – видели и знали немногие, что, конечно, сильно облегчило впоследствии зачистку острова. Тебе говорят, что такие-то здания «не имеют исторической ценности», – ну, и верь на слово. Хотя вот все дома, построенные в последние годы в Петербурге по проектам г-на Митюрева (воплощающего в жизнь проект Фостера), тоже не имеют никакой исторической ценности, да и вообще никакой не имеют – чего ж это их не сносят? Археологи кричат: подождите! Не сносите! Там культурный слой, там искать-копать надо, там то, там се! Кому интересно?

Геологов и геодезистов, которые сильно сомневаются, что в принципе возможны в этом районе, насквозь пронизанном подземными водами, огромная подземная парковка и тоннель, кажется, никто и не спрашивал вообще ни о чем. Не успели. Запарка была. Надо было как можно скорее запустить бульдозер – а там разберемся. Разобрались же со снежным кварталом на углу Крюкова и Мойки, где погибли

Дворец Первой пятилетки, фрагмент Литовского рынка Кваренги, школа и жилой дом. Сначала снесли – потом выяснилось недостаточное техобеспечение проекта «второй сцены Мариинского театра». Ничего страшного: переделаем проект на живую нитку по ходу дела. Главное – пустить бульдозер, чтоб назад дороги не было.

У питерских архитекторов, наверное, от хищной радости все время сердце стучит. Кто б мог подумать, что это станет возможно! Еще пять лет назад они получали от общественности таких дроздов в печенку за скромный какой-нибудь домик, тихо и хронически бездарно стилизованный и вписанный в историческую застройку. Архитектор Марк Рейнберг, помню, жаловался – у нас руки скованы, мы ничего не можем, мы как вечные ученики должны преклоняться перед своими грозными учителями.

Все, закончился ученический кошмар, вечная робость троечников перед отличниками. Более наши парни ни перед кем гордой головы не клонят – отдыхайте, Чевакинский, Росси, Тома де Томон и Валлен-Деламот. Идут настоящие гении – Митюрёв, Рейнберг, Явейн и прочие. Их имен-то пять лет назад никто не знал – теперь пришлось выучить. Заставили! Сносят они нынче кварталами, приписывают свою похабщину в классический роман-город бестрепетно. Руки уже не скованы. Ничем. А теперь, когда снесли Новую Голландию, табу никаких не осталось вообще. Если можно это – значит, можно все.

Совесть?

Да у нас в Петербурге это слово никто не произносит. Ни один человек из администрации города. Ни один архитектор. «Петербург должен развиваться». Где тут место для совести, спрашивается? И 340 миллионов долларов на «реконструкцию» «Новой Голландии» должны дружными рядами отправляться на работу.

Деревья на острове вырубят. Они не имеют ценности.

Здания снесут, оставив только то, что совсем уж запрещено сносить, но они будут кардинально переоборудованы. Арку Валлен-Деламота, конечно, оставят. Она же известна всей России по заставке фильма «Бандитский Петербург». Прагматизм прагматизмом, но святое-то («Бандитский Петербург») святым.

Сейчас уже снесено все, что выходило на Адмиралтейский канал. Не имеющее ценности.

Вы вряд ли поверите мне, если я стану описывать, как впервые, этим летом, увидела сие жуткое зрелище – снос Новой Голландии – и как, несмотря на все свое титаническое жизнелюбие, подумала: как жаль, что я до этого дожила, чтоб стоять теперь и плакать в бессильной ярости. Ничего не спасти. Ничему не помочь. Стоять в родном городе, который будто в самом деле захватили враги. В родном городе, исчезающем на глазах. Поэтому я и описывать это не буду.

Да и что тут напишешь? Вдруг – открывается пустота. Там, где гулял десятки лет и видел таинственный остров, по-

росший деревьями, мрачно-романтический, дивный, сказочный, – открытая всем ветрам пустота. Огромный пролом зияет и со стороны Крюкова канала. Остров беззащитно обнажен, открыт. Никаких больше тайн. Деньги – товар – деньги. «Петербург должен...»

В проекте Норманна Фостера предусмотрено восемь мостов, так что проломы будут еще и еще, да, в тех самых, в заветных, в священных кирпичных стенах. Потому что мост же не может упираться в стенку, он ведь куда-то обязан вести.

Проект Фостера, к вящей радости администрации, получил первую премию на выставке в Каннах. Это и неудивительно: сам по себе, без городского контекста, как картинка на бумаге или макет, он, подкрепленный авторитетным именем архитектора, вполне может обрадовать любителей современного дизайна на слете «буржуазных холуев, прикидывающих, как им ловчее помочь буржуазии сожрать мир», как выразился один юный экстремал. Простим горячке юных лет.

Кстати, а что будет на острове? Главное здание, центр проекта – Дворец фестивалей, четвертая сцена Мариинского театра. Фантастические цифры, описывающие количество зрителей, которое сможет вместить этот Дворец, я приводить не буду. Если все эти зрители припрутся реально, Новая Голландия, в которой уже ничего «голландского» не будет, а будет современная общебуржуазная пошлятина, тихо уйдет под воду.

Да, Мариинский театр определяет в Адмиралтейском районе все или почти все. Его сценами район прорастает, как березовый пенёк опятами. Валерий Гергиев остановиться не может. После четвертой сцены, очевидно, будет и пятая, и шестая, и седьмая. Таков великолепный по хитроумию чёрный замысел – ликвидировать историческую застройку руками... деятелей культуры, чтоб не придраться было. Да, будут офисы, гостиницы, торговые площадки, но главное же – Дворец. Там будет вечный марш культуры, там, размножившись по числу сцен, что не проблема для крупных демонов, пламенный, небритый маэстро с воспалённым взглядом выдаст вам всех ваших Риголетт и Травиат, без которых вы якобы жить не можете...

Общественность Петербурга, бросившая все силы на протест против башни Газпрома, по поводу Новой Голландии уже только устало машет рукой. Фигуры общезначимого авторитета – какой был академик Д.С. Лихачев – сейчас нет, и закошмарить администрацию просто некому. Кинематографисты, скажем, народ лукавый, постоянно нуждающийся в деньгах на фильмы, потому они с властями ссориться не станут никогда. Потому-то и Алексей Герман, и Владимир Бортко внезапно вспоминают Эйфелеву башню и в мечтах предполагают, что наша башня, может, ещё и понажористей будет. А писатели – те, что старой закалки, – остатки вяловатого гражданского темперамента стравили ещё в перестройку, так что на современность уже ничего не осталось.

Так что немногочисленным эстетическим консерваторам, убежденным в ценности старого Петербурга и умоляющим об осторожности в обращении с ним, остается грустно писать в маленькие журналы свои слезные сердитые письма. Вот типичная позиция: реконструкция уничтожит сложившийся облик и образ острова Новая Голландия. «Образ сурово-романтический, красивый своей пустынностью, отчасти таинственный, неприступный, чему способствовала многолетняя закрытость территории. Сочетание старинных кирпичных стен с деревьями и поросшими травой берегами двух каналов и реки Мойки создало неповторимый феномен. Это не просто набор из одиннадцати памятников архитектуры, а уникальный целостный архитектурно-ландшафтный ансамбль в самом центре „старого Петербурга“. Вот его-то и надо было сохранять как достопримечательность Петербурга.

Вместо этого предлагается создать многофункциональный комплекс, в буквальном смысле торжище, под завязку забитое зданиями и территориями общественного назначения. Определенно хотят, чтобы получилось нечто вроде нынешней Сенной площади, которая изуродована эклектикой, доведенной до полного беспредела, и забита постройками с предельной плотностью. Но именно эта Сенная начальству и нравится, и ее хочется размножать по всему Петербургу. Так будет и в «Новой Голландии»: исторические памятники, плотно обложенные новоделами, заново покрашенные,

густо покрытые вывесками фирм, отелей, магазинов и ресторанов, изукрашенные фонарями и гирляндами лампочек, просто перестанут существовать... Понять же, что решать могут не только деньги, но и идея сохранения красоты и старины, — это городскому руководству не позволяет уровень культуры» (М. Золотоносов).

Эстетический консерватизм выражает мнение нескольких тысяч образованных петербуржцев, понимающих и чувствующих ценность старины, памяти, камней, накапливающих время, атмосферы и прочих невесомых прелестей. Мнения миллионов он — не выражает. Эстетический консерватизм — позиция культурного меньшинства. Он слегка тормозит современные процессы, осложняя скорость проведения «развития» всякими ритуальными жёстами (вроде общественных слушаний по проектам, о которых мало кто и знает из-за разрушенного информационного поля Санкт-Петербурга). Он несколько облегчает совесть этого самого меньшинства: мы писали, протестовали, когда и если нас спросят: а где вы были, когда уничтожали Петербург, мы скажем — мы были против, вот, у нас и справки есть. Но определять стратегию обращения с культурным наследием города эстетический консерватизм не может, ибо это — свойство старых мудрых народов с сильно развитой «бюргерской» закваской. А мы народ молодой и по происхождению крестьянский, всего-то сто пятьдесят лет, как из-под крепостного права. Для того чтобы прочувствовать и оценить «сурово-романтиче-

ский облик» старой Новой Голландии, надо иметь инстинкт красоты, развитое чувство гармонии. Откуда бы все это взялось в нынешней лихорадке будней у средних менеджеров, рулящих сейчас городом?

Так что вместо чего-то сказочно-таинственного, поросшего травой и деревьями, вместо всего этого поэтического романтизма, абсолютно непонятного нормальному менеджеру, будет ясно и понятно что: многофункциональный бизнес-центр с досугово-развлекательной доминантой. У колонии нефтяных паразитов, каковой постепенно становится Россия, будет ведь очень много досуга.

На подходе очередной глобальный проект: выселение зоопарка. Еще неясно куда, но ясно, что от Петропавловской крепости подальше. А что там будет?

Вам действительно непонятно, что там будет?

Подбираются к самому сердцу города...

Шерсть вся дыбом, ослабились, от азарта взмокли, зубы наострили. См. сказку «Щелкунчик» писателя Гофмана. Только Щелкунчика нет.

Пока еще ничего не построено. Все только снесено. Зияют пустоты. Но через два, три, четыре года... Да вы приезжайте! Да вы не узнаете ваш старый, жалкий, немодный Петербург!

Вместо живописных руин вы увидите настоящее царство мышиного короля, еще и покруче того, что рисовал Шемякин.

2007

Американская шпана уделывает мир

Итак, свершилось: фильм Рона Ховарда «Код да Винчи» по роману Дэна Брауна на экранах всего мира уже неделю. По справедливости, и эта книга, и этот фильм, ничтожные в художественном отношении, могут претендовать на звание самого большого мыльного пузыря всех времен и народов. Однако этот пузырь лопнул в умах миллионов людей! Затронул главные темы человеческой истории, любимые именно человеческой цивилизации! Такое не должно оставаться безнаказанным.

Как мистер Браун поправил мистера Христа

– Дорогой, – прошептала Мэри, – у тебя проблемы?

– Да, дорогая, – ответил Джызус. – У меня большие проблемы. Плохие парни из Иерусалимского храма почему-то хотят меня убить. Они хотят, чтобы эти страшные римские солдаты взяли острые гвозди и прибили меня за ноги и за руки.

– О, нет, Джызус, нет! Мы не успели выплатить кредит за наш дом! На что мы будем жить, если ты прекратишь свои проповеди? Что будет с нашими крошками? Сара уже научилась зубами открывать пепси-колу, а Джон вчера самостоятельно выкачал целый сникерс!

– О, Мэри! Как ты хорошо воспитала моих детей! У меня

есть план. Мы должны бежать во Францию.

– Но разве в этой дикой стране есть пепси-кола?

– Мужайся, Мэри. У нас нет другого выхода...

Вы еще не видели американского фильма с таким текстом? Вы его еще увидите. Потому что больной старикан Голливуд, давно сидящий в большой заднице (выражаюсь по-американски), решил от безнадежности обратиться к человеческой культуре. Идейный кризис! От гниющего монстра воняет на весь мир – это запах подгоревшего попкорна, ведь именно в попкорн современный Голливуд превратил великое искусство кино.

Но монстр не сдается. Чтобы как-то оживить свою мертвую продукцию и впарить ее миру, он готов на все. Даже открыть книгу. Даже заглянуть в музей. Там ведь что-то написано, в этих книгах, что-то висит в этих музеях? Ведь это можно использовать как приправу, отбить у очередного киногамбургера привкус тухлятины.

И вот самые дорогие для человеческой цивилизации имена идут на фарш. Христос с апостолами и Марией Магдалиной, Леонардо да Винчи с Джокондой, Исаак Ньютон с яблоком, Париж с Лувром и Лондон с Тауэром. Крестовые походы, тамплиеры, Ватикан, линия Розы и все возможные символы. Но не помогает, ничего не помогает.

Бездарный роман мистера Брауна испаряется из головы на следующий день. Бездарный фильм Ховарда даже дня

не протянет. Скука смертная. Очень похоже, скажу вам как критик со стажем, на фильмы украинской студии имени Довженко семидесятых годов. Там тоже беспрерывно звучала лютая симфоническая музыка и было по шесть-семь финалов. То есть картина никак не могла закончиться, потому что она в художественном смысле и не начиналась. Видимо, отсутствие реальных творческих задач приводит к одним и тем же проблемам, и тут идеологическая диктатура, давившая на студию Довженко, оказывается равной диктатуре денег и масс, которая давит на Голливуд. И здесь когда-то работали Альфред Хичкок, Орсон Уэллс, здесь творит умница Тим Бартон? Глядя на пластмассовый, тупой, пустой, как гнилой орех, «Код да Винчи», в это трудно поверить. Жаль, пересмешиник Мел Брукс состарился, вот была бы ему пожива...

Забалтывая и профанируя священные темы, фильм не озаботился своими прямыми обязанностями: сюжетом, характерами, ритмами. И получилось, что всю дорогу только то и происходит, что два унылых героя, мужского и женского рода, слоняются зачем-то по всему миру и несут чушь. Пожухлая Одри Тату играет некую Софи, которая в конце фильма оказывается прямым потомком Иисуса, с переносицы Тома Хэнкса не сходят две вертикальные морщины, отчего лицо прославленного актера кажется окаменевшим от горестного изумления: Боже, как я попал в эту дрянь, где мне нечего играть? Абсолютно непонятно, зачем этой картине живые актеры – персонажи только выиграли бы, если бы

их нарисовали на компьютере, хотя и это бы не помогло, поскольку между ними нет отношений, нет истории. Ноль эротики! И это притом, что разглагольствуют весь фильм про священное женское начало, про союз мужчины и женщины, про плохую христианскую церковь, которая это святое женское начало репрессировала. А между героями даже тени притяжения нет.

Эх вы, скорбные головой. Да когда церковь якобы «репрессировала» женское начало, разнополых людей било и трясло от желания. А сейчас многие из них и глядеть друг на друга не хотят, до того опротивели друг дружке. Благодаря христианству образ жены и матери стал высоким, чистым, священным. Впрочем, мистер Браун возник не на пустом месте, и действительно, в человечестве бродят смутные сказки про обиженную богиню, да только эта тема не для слабых умов, не для профанации, не для мистера Брауна. Он не истину насчет мироустройства ищет, а делает свою коммерцию.

Книжки кто читает? В основном тетки. Тетки всего мира похожи. Им-то и льстит «Код да Винчи» – безбожно, безгранично и беспардонно. Утверждает, что их, бедных, обошли, обидели, подавили, обманули, что они вообще-то являют собой божественное начало в полный рост и зря их сжигали на кострах. Они, может быть, потомки Иисуса Христа, на минуточку!

На пустую голову «Код да Винчи» сильно вреден. Но это

же нашей с вами головы не касается, правильно?

2006

Свинство по-французски

Надо сказать, мы, русские, теперь довольно трезво смотрим на мир, понимая, что нас никто не любит и мы никого не любим. Да и никто никого не любит, так что все нормально. Перевелись всем скопом «на цифру»: вы нам то-то, а мы вам то-то, а если не столько, то тогда вот и нисколько.

И если американец или, например, датчанин начнет говорит глупости и гадости о России, никакой радужный флер более не заслонит наш суровый трезвый взор, и мы спокойно скажем – заткнись, урод. Вместо того чтобы по образцу прошлых лет холуйски кивать и вопить – ах, господин, спасибо, господин, как вы это верно подметили, господин.

И только одна нация почему-то находится у нас в привилегированном положении.

Какой-то остаточный, исторически сложившийся мираж окутывает образ «бель Франс», прекрасной Франции. По-прежнему все «русские княжны» готовы часами слушать «французика из Бордо», если вы помните третье действие пьесы «Горе от ума». Завравшегося французика по-прежнему никто не оборвет на полуслове, да и вообще не принято у нас связываться с этой нацией.

Остались в русской душе какие-то смутные сладкие надежды, воплощенные в слове «Франция». Оттого у нас процветают и называются «популярными писателями» абсо-

лютно загадочные персонажи, имена которых в культурной Франции неприлично и упоминать. Как крапива, растут в наших книжных магазинах Фредерик Бегбедер и Бернард Вербер, бедные девицы покупают их центнерами, а лукавые журналисты именуют их жалкие почеркушки «мировыми бестселлерами». Будем надеяться, это действует остаточный «французский мираж», а не элементарная коррупция со стороны издательств.

Пишут Бегбедер и Вербер чудовищно. Не просто плохо, а невероятно, запредельно плохо, тупо, примитивно. Один спекулирует на сексуальные темы, другой на темы загробной жизни – на том, что волнует всякого обывателя. Так тупо и примитивно в России не пишут даже писатели третьего и четвертого сорта – у нас не принято. В сравнении с Бегбедером Оксана Робски – это А.П. Чехов, в сравнении с Вербером Сергей Лукьяненко – Данте и Гёте.

Но это бы ладно. Гадили бы в своем «лореале обитания» и не трогали бы хоть Россию, где процветают с позволения «княжон» всех мастей. Нет, этого никак наши «французики из Бордо» не могут. Со времен маркиза де Кюстина, который побывал в России два века назад, оставив ругательные мемуары, принято к обязательному исполнению: побывал в России – напиши гадость. Не побывал – тоже. Оттого в романе Бегбедера «Идеаль» мы найдем кучу глупых слов о России, где, правда, герой нашел свою любовь, малолетку по имени Лена Дойчева. (Круче этой невообразимой «Дойчевой»

только полковник по фамилии Дюкусов из романа Вербера «Империя ангелов». Так и написано, без шуток: полковник Дюкусов!) Герой Бегбедера, сорокалетний развратный мерзавец, не находит ничего лучшего, как взорвать с горя храм Христа Спасителя. Который уже взорван в литературе много раз силами героев русских романов и повестей, так что французики просили бы не беспокоиться!

Русские пишут о Франции нежно, трепетно. А французы? Одни мерзости. В романе «Империя ангелов» есть один русский герой, брошенный мамой и попавший в петербургский детдом. Автор пишет, что бедный Игорь видел торты только раз в год, в день рождения президента, когда детдомовцам давали торты, испеченные на свином сале с сахарином.

Какая гремучая смесь дикого невежества с зоологической ненавистью водила пером Вербера? Воспитанники детдомов Петербурга, очень может быть, плохо знакомы с тем, какие на свете бывают торты. Но чтоб им давали торт на свином сале с сахарином, да еще в день рождения президента (который в России пока что никак особо не отмечается, что бы там ни вопили о культе личности) – это надо было напрячь все закомпостированные мозги, чтоб выдумать такой вздор.

И какая же может быть вера в измышленную Вербером «империю ангелов», с ее примитивным устройством и банальными рассуждениями о смысле жизни, если писатель не то что о небесах – о соседях по земле никакого твердого представления не имеет. Изображая нам русского детдомов-

ца, питающегося тортами на свином сале, и полковника Дюкусова, который прячет в горах противотанковую батарею!

Но русские читатели – ничего, кушают и похваляют. Ведь коли свинство само по себе, так это просто свинство. А свинство по-французски – это уже гастрономический изыск!

Казалось бы, ведь не пятнадцатый век, чтоб писать в путевых заметках, будто далеко на севере живут варвары с песьими головами. Однако ничего по существу не изменилось. Мы их, французи́ков, по-прежнему знаем, переводим, читаем. Они – не знают, не переводят и не читают.

Тогда как по справедливости должно быть – наоборот.

2008

В русских проснулся дух воинственности

Некоторые философы утверждают, что в коллективной душе человечества бродит грозный «дух воинственности», который вдруг прорывается, причем иногда в самых неожиданных местах. И тогда какой-нибудь доселе мирный народ, вроде финнов в 1939 году, становится свиреп и победоносен. Судя по последним событиям в отечественной политике и спорте, дух воинственности, на нашу голову, просыпается в русских. Затронет ли это сферу культуры?

Конечно, большим благом было бы для всего мира, если бы этот самый дух воинственности прорывало только в области спорта. Торжество «Зенита» и победа Николая Валueva не грозят никакими бедами мировому сообществу. И если бы могучая воля к русской победе вдруг овладела и нашими мастерами культуры, включая телевидение, это было бы прелюбопытное зрелище. Но пока что дух воинственности если где и прорывает, то уж никак не в этой сфере – там, скорее, действует дух поражения.

Как-то странно получается. Американские военные корабли стоят у границ Отечества. Элегантное словосочетание «принуждение к миру» слегка прикрывает то, что в старину бесхитростно называли войной. Между тем все наши те-

леэкраны забиты под завязку идеологией «вероятного противника» – в виде малохудожественных фильмов. Возьмите программку – после 23.00 трансляция отечественной действительности прекращается полностью, причем в ход идут не качественные крепкие вещи, которые Голливуд все-таки клепают в избытке, а всякая агрессивная дрянь.

Понятно, купили по дешевке пакетом, чтоб как-то забить поздний эфир. А скажите, пожалуйста, если русским нечем забить ночной эфир, кроме как американским дерьмом, зачем они вообще держат этот эфир? Зачем утруждают спутниками космос, зачем расходуют дикое количество энергии, море денег, уйму времени? Нечего показывать – закрывайте сетку вещания.

Подавляющее большинство наших игровых программ и ток-шоу скопированы с западного оригинала. Наше новое модное кино рабски подражает американскому, и это считается большой победой, об этом трубят трубы. Мы запросто, не моргнув глазом, показываем американские фильмы, где русские изображены в уродливом, карикатурном, идиотском виде. Если наш парень вдруг оказывается внутри Голливуда как актер или режиссер, об этом сообщается с жарким придыханием. Даже вывески продвинутых магазинов и ресторанов наших больших городов написаны на английском, что вообще является беспределом и русским «эксклюзивчиком».

Образовалась какая-то особенная русская пародия на за-

падную цивилизацию – аляповатая, энергичная, дурная. И эта пародия активно пожирает национальную культуру. Так с какой стати пародия будет противостоять оригиналу? Там, на Западе, живут все боги, которым молятся многие телевизионные и кинопродюсеры, режиссеры и художники, артисты и литераторы. Там рисуют модели, по которым формировалось почти двадцать лет наше общество, наше телевидение, наша культура, наша мораль.

И что же теперь, когда Россия оказывается в конфликте с Западом? Какая польза нации от этой карикатурной «культуры», которая довольно агрессивно насаждалась годами?

Я вовсе не сторонница изобретения велосипеда. Но творить свои телевизионные форматы, свой путь в кино, свои мелодии, свою литературу и свой театр, безусловно ориентируясь на лучшие мировые образцы, но не копируя слепо все подряд, мы должны не из самодурного упрямства. Если хотите, мы должны это делать из чувства национального самосохранения. И это надо поддерживать на государственном уровне. Жаль, что «национального проекта „культура“» в свое время не оказалось в числе приоритетов, а идеология так и не пошла дальше бессмысленных геополитических камланий умников в очочках или с бородами, которые не могут сказать ни одного живого человеческого слова.

У нового политического витка истории оказалось весьма слабое идеологическое и культурное обеспечение. Может быть, конечно, сам этот виток провоцирует подъем «ду-

ха воинственности» среди деятелей культуры. Но это будет сиюминутная, конъюнктурная реакция, а в культуре по-настоящему плодоносит только то, что созревало правильным, долгим путем.

Поддерживать, развивать самобытное, оригинальное творчество россиян – это не роскошь, а необходимое средство русского самосохранения. Иначе получится очень печальная картина. Получится, что в большом школьном классе по имени «земная цивилизация» какие-то подражалы, второгодники, лузеры (Россия) вдруг полезли задирать первых учеников (Запад)...

Мы этого достойны?

2008

Кто съел зебру?

Конечно, впечатляет неприятная легкость, с которой четырехлетний срок президентства на Руси вдруг превратился в шестилетний. Без всяких там лишних дискуссий и общественных слушаний. Эдаким притким способом можно что угодно проверить, любое дельце. А с другой стороны, что возразишь? Инфляция! Раньше-то, в девяностые, допустим, год тянулся-тянулся, аж не прожить его было. А нынче что? Только в глазах мелькнет – и все кончилось. Так что правильно поступили начальственные лица, набавив себе сроку с учетом инфляции времени: четыре года в девяностых – это шесть лет нулевых.

Вообще что-то стало не оттащить людей от власти. Прямо как вцепятся, так и зачоченеют. И ведь пользы для души никакой, ведь известно, что первые станут последними в царстве-то небесном – нет, ничего не боятся. Толку от этих зачоченевших во власти людей немного. Засни, к примеру, наша городская Дума летаргическим сном, кто это заметит? До того дошло, что даже в городских чиновниках иной раз совесть просыпается, а в депутатах – все чисто и гладко. Знай себе моргают и сопят, если их зачем-то в холуйских новостях показывают. А показывают редко, потому что никаких информационных поводов эти люди без свойств не подают. Хоть бы когда-нибудь голос какого-нибудь городского депу-

тата прозвучал при обсуждении важных дел города, хоть бы кто-то кого-то защитил, помог хорошему делу, прекратил произвол, раскрыл преступный умысел! Вот неужели самим не стыдно и не скучно так жить? Нет, не стыдно. Смотрят и моргают, гладкие, равнодушные, в этих ужасных своих костюмах (на нашего питерского депутата что ни надень – всё как на корове седло).

Так не всё ли нам равно, кто и сколько висит там, на этом властном облаке? Их грех – их ответ. Если не смотреть телевизор и не читать газет, существование президента вообще не доказуемо. А если выйти на улицу и попытаться ее перейти, ясным станет одно: никакой разумной власти на этих дорогах попросту нет.

Как хочешь, так и выживай.

Некоторое время тому назад, видимо, с благословения какого-то внезапно прорвавшегося в Россию ангела, недобрая наша страна в одночасье покрылась сопливо-милосердной рекламой гуманного отношения к пешеходам. «Зебра главнее всех лошадей!» – утверждали идеологи этого заблудившегося ангела. Выступил он явно с личной инициативой и сильно не по делу.

Ничего более идиотического, бессмысленного и бесполезного придумать было невозможно. Нашу бедную «зебру», пешеходный переход то бишь, имеют все кому не лень и во все места. Зебра главнее всех лошадей! Да у нас на этой самой зебре как раз и принято людей давить. Ну, традиция та-

кая, национальная особенность – давить пешеходов именно на пешеходном переходе. Согласитесь, это стильно, по-своему логично и уж точно выражает национальный характер. Потому что таких жлобов, как у нас, на дорогах мира очень трудно найти. Русского пешехода за границей распознаешь сразу. Сутулый, зашуганный, с бегающими глазами, он робко ставит ногу на дорогу к вящему изумлению иностранных водителей, которые не понимают, что с человеком, и пытаются его подбодрить гудками и даже приветственными криками. Когда я во Франции ступила на зебру, а потом, увидев машину, ринулась обратно, шофер был глубоко задет моим предположением, что он не остановится! Я оскорбила его! Он встал нарочито и стоял так, пока я не перешла дорогу.

Что касается наших жлобов и самодуров, то они, видимо, всерьез считают себя людьми какого-то высшего, в сравнении с пешеходами, сорта. Раз пять-шесть в жизни я видела, как водитель притормаживает у пешеходного перехода. И это за долгие десятилетия, во время которых я пыталась перейти дорогу по зебре, ангелы мои, по зебре, сначала с одним ребенком за руку, потом с двумя – бесполезно! Они не тормозят никогда! Боже мой, если бы они знали, как я их ненавижу!

Хорошо бы это стадо тупых агрессоров в полном составе разmozжило свои жлобские головы об асфальт. Как бы мы без них чудно бы зажили! Как в раю, где зебра главнее всех лошадей.

Наша жизнь на дороге заточена под интересы водителей. Существование пешеходов вообще не приветствуется, а иначе как вы объясните тот факт, что все светофоры устроены в пользу водителей. Зеленого света НИКОГДА не хватает, чтоб перейти дорогу, – я замеряла многократно по секундомеру. Поэтому, дойдя до середины зебры, пешеход начинает метаться, форсируя улицу в паническом темпе. Ему надо не только добежать до тротуара, но и пробежать еще и по тротуару как можно дальше. А как же! Он своих водителей знает. Если у них не получится раздавить пешехода на зебре, так они могут выйти из машины и специально ухлопать беззащитную двуногую тварь. Именно такой трюк проделал летом агрессор из джипа, убив паренька, шедшего по зебре, – история попала в новости. Но наша горькая повседневная жизнь попасть в новости – без трупа – не имеет шансов.

Вот я и спрашиваю автоинспекцию, почему никто не защищает беззащитных людей? Почему эти гады так свободно нас убивают, давят, травят, мотают нервы уж во всяком случае? Все, кто не тормозит на зебре, – потенциальные преступники. Они презирают человека, не ощущают ценности чужой жизни. У таких людей отсутствуют элементарные навыки существования в обществе, они крайне опасны. Поэтому у них надо отбирать права НАВСЕГДА. НАСОВСЕМ.

Вы представляете, как чудесно разгрузятся наши дороги, если у всех рыл, не тормозящих на зебре, отобрать права навсегда?

По-моему, очень правильная законодательная инициатива. Вот видите, я без дополнительного пайка выполняю за власти и за общество их работу – придумываю, как улучшить жизнь. Поэтому считаю, что было бы верным решением оставить меня на публицистической работе еще на пять лет!

2008

Газподин, помилуй!

Наверное, впервые в жизни я смотрю на этот «голубой цветок» с трепетом. Бытовой газ! Такая невинная субстанция, друг хозяйки, подарок природы... Хотя не будем умиляться. Вообще-то мало в нем хорошего. Дровишки куда здоровей! От них дымок, а от газа – одна головная боль. Это вещь ядовитая, коварно лишенная запаха (известный мерзкий запашок – от специальных добавок, иначе утечка не будет заметна). Больше вроде о нем сказать нечего – залегает в недрах, стоит довольно дешево. При советской власти газ вел себя тихо и прилично, работал, как все, на благо страны. При новых порядках стал постепенно высовываться и громко заявлять о себе – создал огромный орган самоуправления, заживший своей жизнью, с неизвестной целью приобрел дикое количество средств массовой информации. Срастание этого выродка природы с уродливой экономикой новой России залило неким ядом умы многих наших соотечественников, семи причастных. Они стали как-то сверху вниз смотреть на своих собратьев. И вообще в главных людях газа есть что-то странное: они всегда такие скучные, такие бледные, как отравленные. Опасная субстанция!

Чисто служебное значение газа как просто себе одного из видов топлива давно неактуально. Газ уверенно превращается в какого-то символического дракона, правящего миром,

значение его зловеще растет. И вот он уже словно с цепи сорвался: в начале года газ становится прямо-таки героем мировой драмы, Газподином катаклизмов и катастроф.

Уже одна история с острым запором транзита через Украину взбудоражила полмира. Тут Газподин столкнулся с украинской государственностью, которая при распаде Союза изящно переняла у России ту миссию, что описал мыслитель Чаадаев: преподать другим народам горький урок того, как не надо жить. То есть долгое историческое время эту, так сказать, минус-миссию прилежно выполняла Россия, а теперь всё, отмучились, нашлась другая претендентка – и очень, очень талантливая. В этой драме Газподин мощно высунул свою ценность: верховные правители стран о нем говорили часами, его жаждали, измеряли, ждали, искали!

Но это было далеко не всё – газ взрывался в домах (только за январь несколько случаев, из-за масштабности попавших в новости), кроме того, упал вертолет, инспектировавший именно что Газподский трубопровод, вдобавок военные действия велись не где-нибудь, а в секторе Газа! Последнее обстоятельство всего лишь фонетическое совпадение, но скажите пожалуйста, отчего это – заметим мы с ехидной интонацией персонажей Достоевского – именно такое совпадение, а не какое-то другое?

То есть буквально – Газподин взбесился. Разбушевался! И поди пойми с чего...

Мы уже давно живем в полном и глубоком разладе с при-

родой, так что язык ее нам невнятен. На бешеное выкачивание ресурсов природа, как настоящая женщина на оскорбление, отвечает несимметрично, неадекватно и бессистемно. Ни один взрыв, потоп, или ураган не подлежит объяснению – «за что». Как за что – за всё. В старину прибавляли – еще и не то будет по грехам нашим. Интересная картина получается: вроде бы возрастает доля расчетливости, рассудка в управлении миром, и никуда не денешься, современные технологии. Но в глубине жизни всё равно лежит Темное Нечто, царят иррациональные силы, древние стихии, не поддающиеся расчету.

Того, кто распоряжается нашей жизнью, нельзя увидеть в лицо, назвать по фамилии, обратиться с просьбой или проклятием. Его зовут, например, «Кризис». Он сейчас определяет поведение людей, рисует новый облик мира. А ведь ни имени, ни облика, ни вообще хоть какой-то определенности у этого нового героя нет.

Я хорошо помню, как несколько раз в жизни пыталась понять запутанные вопросы – скажем, искала причины войны в Югославии и суть дефолта 1998 года. Смиренно читала книги, статьи, высказывания экспертов, напрягала умишко. Тщетно! Я не поняла ничего! То есть, конечно, при здоровой ограниченности разума можно сочинить какое-никакое «толкование сновидений». Но на самом деле оно ничего по-настоящему не объяснит. Исчерпывающе выразился Лев Толстой – «событие произошло, потому что оно должно бы-

ло произойти»... Как десять лет назад никто ничего не понимал с «дефолтом», так и сегодня вряд ли кто-нибудь в состоянии постичь, что это за «кризис» такой.

Я даже склоняюсь к мнению, что экономика наша, основанная на грабеже природы, невольно переняла у природы кое-какие присущие ей свойства. Ведь победители всегда заражаются от побежденных. Несмотря на расчисленность и расписанность в цифрах, экономика страдает абсолютно иррациональными, стихийными явлениями. В ней случаются пожары, взрывы, потопа и ураганы, которые невозможно предвидеть. Вот и наш «кризис» – из таких явлений.

Здесь есть над чем подумать сочинителям историй.

Как-то у нас в искусстве зло и добро слишком персонифицированы. Разгуливают в лицах и разговаривают. Иван Иванович несчастен, дескать, из-за того, что его обидел Иван Никифорович. А ведь это не отражает поступь современности!

Современные драмы должны стать чем-то вроде старинных мистерий, где действовали не лица, а символы – Ирод, Люцифер, Богородица и другие. Или античных трагедий с участием богов и Рока. Только наши символы другие, все расчеловеченные – Газ, Нефть, СПИД, Кризис и прочее. Именно они должны время от времени появляться в произведении и вершить судьбу героя. И сами быть героями.

Новые пьесы могут выглядеть примерно так:

«ИВАН ИВАНОВИЧ

Но как мне быть? Что делать?

О, кто ты? Я тебя не звал!

КРИЗИС (*входя и наступая*)

Иди со мной.

(Иван Иванович проваливается)...»

Или:

«ГАЗПОДИН (награнице России и Украины, взволнованно):

И вот она, тревожная граница,
Где ждет меня зловещая рука,
Мою судьбу меняя хладнокровно!
Я думал – потеку свободно, вольно
В свободную и вольную Европу,
К веселым берегам Дуная, Рейна,
К достойным бюргерам в их тихие дома,
Но нет! Надежды тщетны! Украинец,
Сын мятежа и тайного коварства,
Недоброе замыслил...»

По-моему, очень перспективно!

2009

Утерев слезу

Как известно, Дом писателей имени Маяковского, что на Шпалерной улице, сгорел еще в начале девяностых. Пепелище досталось в наследство не писателям, которые разделились на две не слишком дружественные писательские организации, а сторонним предприимчивым гражданам. Они отстроили на погорелом месте некие апартаменты гостиничного типа – такой роскошной безвкусицы, что их надо демонстрировать московским гостям, дабы они больше не претендовали на звание жителей самого богатого и самого бездарного города земли. У нас тоже кое-что есть в рукаве!

Писатели же остались без крова и время от времени жалобно стонали в сторону администрации. На что администрация резонно просила писателей сначала соединиться, распри позабыв, в единую семью, а потом уже мечтать о жилплощади. Шло время, и принцип, когда-то разделивший писателей, как-то поблек и перестал быть жизнеобразующим. Как определить этот принцип? Ну, скажем так, в одном лагере собрались просто русские писатели, а в другом – рр-русские. Но потом всё запуталось и смешалось. Оказалось, что и там и там состоят в основном пожилые петербуржцы, не слишком обласканные судьбой. Рр-рус-ские преуспели в новых временах не больше просто русских, а идеология напроць перестала быть вопросом обеденного меню. Писатели

объединились не то чтобы идейно, а, так сказать, онтологически. На одной обочине.

Тут и подоспел подарок от города – небольшой флигелек на Звенигородской улице, правда, лишенный и зала, где можно было проводить собрания, и кафе, чье назначение излишне описывать. Домик состоит из нескольких комнат-кабинетов, но писательскому начальству больше ничего и не надо, а писательским массам тем более. Петербург – признанная столица графоманов. Из нашего человека никакими силами Логос не выбьешь.

Дали и дали. Не отняли же. Ну, поставят там бюст Пушкина и Гранина, и будет Валерий Попов принимать делегацию писателей из Якутии. Кому мешает?

В конце прошлого года на торжественном открытии нового Дома писателей в присутствии губернатора В.И. Матвиенко поэт-классик Александр Кушнер прочел оду, посвященную лично губернатору В.И. Матвиенко. Ода начиналась с того, что Кушнер, как поэт и гражданин, оценил работу губернатора на пять с минусом, а затем энергически нарисовал художественный образ главы города.

Критиковать легко! Поди,
В траншею влезь, взберись на вышку,
Еще инвесторов найди,
Устрой писателям домишко...
И утром, встав в восьмом часу,
Красавица и молодчина,

По-женски утерев слезу,
Встает на вахту Валентина!

Никаких «не может быть», граждане. Ода А. Кушнера была зафиксирована камерами телевидения и многочисленными свидетелями. Это подлинный ее текст. Это свободное волеизъявление признанного поэта, когда-то беседовавшего с Ахматовой и Бродским, увенчанного десятками премий и считавшегося одним из моральных авторитетов пишущей России. Много лет поэт держался как бы в стороне от больших государственных дорог, воспевая ценности частной жизни. Но вот – раздался зов трубы, и песня сама вырвалась из груди. Конечно, тут больше всего виновен сам источник вдохновения. Действительно, нет никакой возможности созерцать «красавицу и молодчину» хладнокровно и молча. Особенно если как следует навернулся на гололеде или, придя домой, часа два оттирал одежду и обувь от вечной грязищи. Очень хочется рифмовать-ать-ать! Например, воскликнуть, по-женски утерев слезу: времена не выбирают, в них живут и загнивают!

Да, запутанные у мастеров культуры отношения с государством. Многим советским сиротам хочется обратно под крыло. Нагулялись на воле – забько, голодно...

На днях я с удовольствием пересмотрела показанный по СТО ТВ фильм В. Венгерова «Балтийское небо» (1961). Увидела вновь чудесные юные лица Ролана Быкова, Олега

Борисова, Людмилы Гурченко. Вновь печально задумалась о странном симбиозе советской власти и советской культуры, настолько сложном и причудливом, что никаким пером и никаким топором этого драматического переплетенья не разрубишь.

Да и вообще, живя внутри социализма, люди многих его черт не могли оценить, воспринимая как должное.

Возьмем террор, массовые репрессии. Да, всё это было и было в диких русских масштабах. Но для организации массовых репрессий нужна была могучая государственная машина, напроць лишенная всякой тени коррупции. Какие ж возможны репрессии, если любого госчиновника можно подкупить? К тому же советская государственная машина, кроме репрессий, могла и еще много что организовать – например, эффективные военные действия, эвакуацию или распределение продовольствия. Я вот представляю себе, как бы дела обстояли сейчас, если бы трагические испытания вдруг свалились на власть и народ сегодняшнего образца. Нынешний госаппарат особо не репрессивен и состоит из обыкновенных людей, не одержимых сверхценными идеями. Но эти люди ничего толком организовать не могут! Представляю себе, что бы началось, доверь им такую задачу, как массовая эвакуация промышленных предприятий на тысячи километров! О распределении продовольствия я вообще умолчу. Тут и представлять ничего не надо.

Как вообще относиться нынче отдельному частному лицу

к государству и государственным людям? Когда государство брало на себя буквально все обязательства по прохождению частным лицом своего жизненного пути и взамен требовало всего человека, это было хоть как-то понятно. Но сегодня, когда ничего не гарантировано – ни работа, ни жилье, ни медицинская помощь, ни пенсия, ни образование, ни пользование культурой, – вправе ли государство требовать чего-то от частного лица?

Молодые люди, конечно, найдут свои ответы на эти вопросы. А вот многим из тех, кто значительную часть жизни прожил «при старом режиме», куда труднее. Сквозь нынешнее продажное рыло мнимой государственности кому-то грезится что-то волшебное, могучее. Хочется все-таки какого-то возобновления советского Иллюзиона, хотя бы для них лично. Хочется любить и быть любимыми. Благодарить за заботу государственных «красавцев и молодцов». Вообще как-то отделаться от несносной реальности и грезить в полном объеме о начальственных богах и героях, которые во имя народного счастья встают на вахту в восьмом часу...

Это не подлость, это искренность!

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО УМА

Отечественные заметки

И может быть, плоды моих горестных заблуждений послужат кому-то счастливым уроком.

Понятие «духовный образ нации» принадлежит к числу оголтело романтических, в отличие, скажем, от «национального характера», поддающегося, говорят, даже и научному изучению.

Но всякое романтическое ведь имеет в себе хоть зернышко реализма.

«Духовный образ нации», по моим наблюдениям, есть целостный художественный образ, возникающий в результате совокупных усилий культуры.

Как правило, он отлично чувствуется и усваивается, объясняется же куда менее определенно. При достаточном знакомстве с какой-либо национальной культурой в ее историческом развитии всегда появится некий цельный образ при слове «Франция», или «Англия», или «Япония». Закрепить же этот образ — задача невероятно трудная и чреватая всякого рода ошибками, банальностями, произвольными обобщениями...

Потому будем довольствоваться быстрыми и, может стать-ся, неожиданными взглядами, а к концу разговора, может, чуть-чуть и приблизимся к какому-то знанию о предмете – современной России.

После очередного просмотра «Андрея Рублева» порази-лась словам, на которые раньше не обращала внимания. Эпи-зод «Нашествие». Татары врываются в город. Вот один из жителей поднял защитную дубину и тут же опустил, разгля-дев стоящего перед ним врага: «Братцы! Да вы же русские!» «Я тебе покажу, сволочь владимирская...» – отвечает тот.

Пожалуй, никогда не доводилось яснее понимать, что есть «период феодальной раздробленности».

«Местное сознание», при всей естественности и даже оба-янии (люблю не отвлеченную химеру, а то, что знаю, – свой кусочек земли), может при соответствующих обстоятель-ствах обернуться дикой и преступной стороной. Этим самым – «Я тебе покажу, сволочь владимирская».

Не грозит ли оно нам?

Пожалуй, пока все-таки нет. Бродят-ходят, не дают покоя сопрягающие, скрепляющие идеи и чувствования. Скреп-ляет и переживание общей драмы, совместное стояние на краю.

На таком краю возникают образы, подобные тому, что по-явился в одном из стихотворений Юрия Кузнецова. В нем поэт живописует сильный, огромный дуб, чья внутренность давно сгнила.

Изнутри он обглодан и пуст,
Но корнями долину сжимает,
И трепещет от ужаса куст
И соседство свое проклиняет.

Поэт мог и не предполагать возникающих у меня ассоциаций. Но мне они кажутся очевидными.

Величавый дуб. «Обглодан и пуст», а все-таки величав, все-таки дуб, а не какая-нибудь там карликовая березка. Могучий и исключительный – на фоне «долины ровная». И куст не зря трепещет.

И на краю, в дремучей чаще горьких сомнений и рефлексий, ощущения все те же, мысли и слова – те же. В отчаянном болезненном стихе – равно как в тревожном песнопении. Величавая, могучая, исключительная, небывалая.

Тут остановимся.

Несомненно, в иерархии отечественных жанров патриотическая песня занимает высокое и почетное место, как ода в классицизме. Объяснение в любви к величавой, могучей, исключительной и небывалой Родине есть право и обязанность художника, высокая миссия искусства в целом и настоящая основа массовой культуры, понимаемой в ее действительном смысле.

Каково происхождение этого жанра?

В поисках ответа я взялась за чтение имеющихся в нашем

распоряжении сборников русских народных песен.

Результат меня по меньшей мере изумил.

Мне не удалось найти особенно заметных следов патриотической песни. Народ не пел ни о своем величии, ни о своей исключительности.

«Ты прощай, прощай, Ростов, славный городочек, с частыми кабаками!»

Разливались все болота, все луга,
Растворились все трактиры-кабаки,
Порасстроился Питер-город и Москва,
Вот хорош Питер, Москва очень широка...
Уж ты батюшка мой, Ярославль-город!
Ты хорош, славно сам построен,
Лучше Киева, лучше Питера,
Лучше матушки каменной Москвы...

И так далее. Самым патриотическим в современном смысле слова является утверждение, что «Пареж славный городок», да есть получше «Парежа» – «все в нас каменная Москва».

Подобные хвалы родному городу и месту, трогательные и очень простодушные (поскольку слава города зависит, например, от наличия в нем хороших кабаков), – капля в море народной песни. Это море шумит-поет нам о другом – о жизненном цикле простого человека, о превратностях его судьбы, о его любви, радости, горе. О его доле, наконец.

Повторю: в народном самосознании не существует понятия о своем величии и своей исключительности. Тот, кто рожден с естественной мыслью – «за морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое», – есть часть целого, целому никак не противопоставленная.

Совсем иная картина получается от чтения текстов патриотических песен, скажем, 50-80-х годов нашего столетия. Здесь человек выделяется из целого, помещается как бы напротив своей Родины, внимательно ее рассматривает и доказательно объясняет, за что, собственно, он ее любит (я имею в виду именно массовый поток таких произведений, не единичные образцы индивидуального творчества).

Во-первых – «здесь проходила юность моя».

Во-вторых – «ты хороша, земля моя родная» (перечисляются поля, луга, озера, просторы и т. п.).

В-третьих – «золотое раздолье, вольно дышится тут», «здесь, под небом под звездным, я счастливо живу». Живи автор этих строк несчастливо, то, стало быть, еще неизвестно, был бы риторическим или нет вопрос, поставленный в одной из песен: «изменю ли тебе я, другие края полюбя?» А так – баш на баш, люблю тебя – живу счастливо...

Притом эта магическая, заклинательная, неестественная напряженность (верю! люблю! славлю!) старательно стилизована под лирическое излияние простой народной души.

Однако натужные, искусственные, специальные «патриотические» усилия (не сам патриотизм! Надеюсь, понятно,

что речь не об этом) абсолютно чужды народному сознанию. Во всяком случае, тому, что было раньше.

А теперь?

Наверное, нет большой нужды доказывать, что народное творчество и массовая культура есть вещи противоположные и враждебные друг другу. Для меня это аксиома.

Большой наивностью было бы считать, что массовую культуру наваяло нам западным ветром, что она у нас не слишком значительна и связана только с некоторыми явлениями последних лет, скажем с эстрадизацией театра или развлекательным кинематографом.

Массовая культура заключает нас в крепкие свои объятия чуть ли не с колыбели. Если вы сомневаетесь, то загляните в методички для утренников в детском саду, в буквари, учебники родной речи и пособия по внеклассному чтению, сценарии массовых празднеств и содержание торжественных концертов и т. п.

Да здравствует Родины мирное небо!

Да здравствует море растущего хлеба!

Леса, и сады, и большие поля!

Да здравствует наша родная земля!

Это читают и пятилетний малыш, и пятидесятилетний народный артист. И казалось бы, что тут может вызвать возмущение? Кто, в самом деле, не желает мирного неба, моря растущего хлеба, здоровья лесам и полям родины?

И тем не менее в этих «многотиражных», колоссально распространенных заклинаниях заключена многотиражная ложь.

Она будет особенно видна, если разместить ее на фоне того, что реально происходило с лесами, полями и реками нашей родины, с ее городами, культурными ценностями и людьми искусства. Очевидно, напряжение влюбленной в Россию души должно было в этих заклинаниях и разрешиться, чтобы на реальную родину уже мало что оставалось.

В безличном пространстве этой массовой культуры человеческая жизнь, отдельная, личная, неповторимая, – переставала существовать.

Человек становился абстрактной единицей в числе других абстрактных единиц (рек, озер, лесов, полей) – и с десятикилометровой высоты того самолета, на котором эта массовая культура создается, он уже был неразличим.

Эта массовая культура направлена на то, чтобы человек сызмальства принаравливался прятать свое личное живое нутро в одежды мнимостей, научился принимать требуемые формы и растворяться в магических заклинаниях.

Принаровился? Научился? Растворился? Теперь зайдем с другой стороны.

В 1987 году на ленинградском фестивале самодеятельных рок-групп где-то ближе к концу произошло нечто вроде скандала.

С отвращением описывали потом некоторые газеты, как

на сцену вылез долговязый, в тельняшке панк. Он плевался, ругался, курил, грубил, что-то хрипел – короче говоря, всячески оскорблял эстетические чувства воспитанной аудитории.

Но сочли, что это было правильно и хорошо, поскольку таким гласным образом возмутительный панк разоблачил сам себя и все увидели, что ничего интересного запретный плод из себя и не представляет.

А вот давайте послушаем и его, ужасного панка:

Ясень к земле клонится,
Как моя душа,
Снова в холодильнике
Нету ни шиша.

До получки маленькой
Мне четыре дня.
Не ходите, девушки, замуж за меня!

(Андрей «Свин» Панов, ныне покойный)

Особенно хорошо это, до слез пронзительное, – «до получки маленькой мне четыре дня...». Всерьез полагаю такую песню образцом подлинного народного творчества.

Дело тут не в использовании каких-то фольклорных образов или интонаций. Здесь индивидуальность претворена

в лирический монолог простого (ни шиша) русского (яшень – душа), советского (до полочки маленькой) современного (холодильник) человека, задушевно и с юмором рассказывающего нам о своей немудреной жизни. Все искренне, естественно – никакими специальными средствами не добьешься этой «фольклорной» шероховатости, несовершенства. А что мудреные формы принимает нынче русская душевность, заворачиваясь аж в оболочку дикого эпатажа, так не диво – ведь невдалеке маячит пресс массовой культуры, если пройдет – может, и не раздавит: уж очень твердо.

И этот человек, что из песни, – он, конечно, ничего не имеет против того, чтобы леса и холмы, и родные поля здравствовали. Но петь его тянет о другом.

О доле своей.

Идея национальной исключительности и национального величия есть идея всякой и любой империи. «Тому в истории мы тьму примеров...» Если эти идеи не имеют или теряют свое господствующее положение, значит, нация не имеет или теряет значение империи.

В семидесятых годах прошлого века два гения сотворили два художественных мира, тесно связанных с их национальной философией и мнением о национальном характере. Это «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина и «Снегурочка» А.Н. Островского. Город Глупов – и Берендеево

царство.

Власть в Глупове изначально враждебна населению – губит ли она его в поисках крамолы, потакает ли его врожденному свинству. От одного безумия к другому – так движется история Глупова, и движется к катастрофе. Градоначальники сделаны из особого материала, заставляющего позабыть не только о разуме, но и вообще о какой бы то ни было человечески постижимой норме.

При особенной, восторженной любви к Щедрину, которого Островский называл библейским пророком, пророком по отношению к будущему (желающие могут проследить, что именно сбылось из пророчеств Щедрина, – выйдет неплохая книга), щедринское решение вопроса о движении национальной судьбы не могло удовлетворить драматурга. И поэтический образ прарусского народа из «Снегурочки» является, конечно, полемическим и дополнительным по отношению к народу «Истории одного города».

«Берендеево царство» Островского – иной, не сатирический взгляд на мир русских верований и чаяний. Жизнь берендеев, при всей ее натуральности и красочности, есть составляющая некоего трагического целого. Ведь пьеса заканчивается гибелью Снегурочки и Мизгирия, а разве гибель главных героев свидетельствует о благополучии мироустройства? – но все-таки зависят берендеи от мудрого царя и всевластного Ярилы-солнца, а не от безумного произвола разнородных мерзавцев.

«Да, трагично, но не бессмысленно», – словно говорил Островский.

Традиция щедринского отношения к вопросу о движении национальной судьбы имела довольно обширное продолжение. Щедрин был математиком русской жизни, открытые им величины описывал с максимально возможной ясностью, и неплохо, густо населена его «математическая школа». Все последующие сколь-нибудь примечательные сатирики и фельетонисты – исключая, конечно, тех невинных зубоскалов и сочинителей комических куплетов, которых у нас тоже почему-то торжественно величают «писателями-сатириками» в надежде убедить нас, что это-то и есть сатира, – все они, разумеется, имели перед глазами город Глупов.

«Снегурочка» Островского выродилась в какую-то немыслимую сусально-карамельную пошлость. Что в кино (где ее ставили несколько раз), что в детских спектаклях драмтеатров, что в опере (минус музыка) – все те же залихватски хохочущие берендеи, слащавый Лель, царь с приклеенной бородой, Снегурочка, трактуемая на манер Золушки, декоративные леса и этнографические пляски.

Пошлость, съевшая обаятельнейший из национальных мифов, конечно, не насытилась одной только «Снегурочкой». Она создала обширную эстетику, которую я бы условно назвала эстетикой «русского сувенира».

Все, чего днем с огнем не сыщешь на просторах нашей родины, разбухшее от постоянных денежных инъекций, раз-

румяненное, как старуха миллионерша: самовар в сапожках и трехметровом кокошнике под ручку с медведем на коньках и – ложкой по лбу матрешке!

Русский сувенир... Специально выращиваемые якобы «народные голоса», отличающиеся особой крикливой пронзительностью. Сарафаны, шитые золотом, в которые облачились бы охотно фрейлины на придворный маскарад. Счастливая улыбка на лице диктора, объявляющего: а сейчас русский танец!!!

«О боги, боги мои, яду мне, яду...»

Эстетика «русского сувенира» – наш собственный родной доморощенный кич – угнездилась в основном в своих особенных жанрах, слабо, в общем-то, затронув литературу, кино или театр. «Жестокий романс» Эльдара Рязанова или «Очи черные» Никиты Михалкова все ж таки подпорчены сентиментальной оглядкой на титанов и ностальгией по русской душевности, хотя и выраженной в формах куда менее крепких и убедительных, чем китчевые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.